

АЛЕКСАНДР ЛОБАНОВ

РОКИРОВКА С ПРОШЛЫМ

Александр Андреевич Лобанов
Рокировка с прошлым
Серия «Наши там (Центрполиграф)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43721007

Рокировка с прошлым: роман. / Лобанов А.А.: Центрполиграф; Москва;

2019

ISBN 978-5-227-08825-3

Аннотация

Время и пространство – первооснова, чье гармоничное сочетание определяет мир. Но смогут ли столь же гармонично сработаться люди, обладающие силами первооснов? С одной стороны – временщики, готовые на любой поступок и не знающие запретов совести, ибо в их власти само время и только им решать, какой исход событий приемлем. С другой – пространственники, готовые идти к цели не останавливаясь, так как для них нет преград – им подчиняется само пространство. Кто окажется сильнее?

А может, извечным антагонистам удастся сработаться, несмотря на противостояние родных стран и личные тайны? Хотя... собственно, какой у них выбор, если начальство сказало: «Надо!» Главное, героям остается понять, возможно ли сохранить себя в мире стали, пара и электричества – там, где правит разум.

Да и неплохо бы разгадать, кто точит зуб на спокойствие двух держав, и разрушить планы общего врага.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	97
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Александр Лобанов

Рокировка с прошлым

Глава 1

Технологии и ложь

Коридоры, повороты, еще коридоры. И еще больше поворотов. Множество комнат. Изредка встречаются развилки. Не общественное здание, а какой-то лабиринт! Может, их специально так строят? Что за чушь лезет в голову! Это все от потери крови...

Хотя, чего переживать? Как бы цель ни убегала, ни пряталась и ни заметала следы – я ее найду! Просто не имею права не найти! Ведь вместе с болью и яростью чувства обострились, и теперь я, как Туманник, на пике формы.

Однако спешить тоже нельзя! Попасть в засаду после всего станет верхом непрофессионализма. И даже иронично! Так что чувства только в тандеме с разумом!

Новый поворот. Я выскользнул как раз вовремя, чтобы за-

метить полу плаща, исчезающую за дверью в противоположном конце коридора. Десять шагов. Надавить плечом... Закрыто? Не проблема! Револьвер грохнул дважды – о замке осталась лишь память. Удар ногой. Тускло освещенная лестница.

Первый пролет – ничего. Второй – только булыжник, местами покрытый мхом. Третий – окно: ровная гладь каменного поля и гряда скал, о которую в неистовстве разбиваются волны моря Пристанища, превращаясь в сотни черных жемчужин. Четвертый пролет – дверь и новый поворот лестницы.

Шагов не слышно. Натужные скрипы, лязги и завывания исполинского часового механизма над головой заглушают посторонние звуки. Придется рисковать... Кровь уже капает с самодельной повязки. Толкаю дверь. Порыв ветра приносит прохладу и запах гари. Фигура в сером плаще на другой стороне крыши – сгорбившись, тяжело дышит.

– Сдавайся! Ты загнал себя в угол!

Аккуратно двигаюсь вперед. Крыша покатая, а металл влажный. Темная личность, придерживающая капюшон, чтобы не сорвало ветром, находится от меня всего в двух десятках метров. На нее нацелен револьвер, во избежание.

По правую руку зарево пожара окутало багрянцем половину неба. Слышны отдаленные взрывы – пламя перекинулось на соседние ангары. По левую руку газовыми огнями фонарей сияет Агемо. Видно, как сюда спешат экипажи под-

моги – отработанный пар стелется саваном в стылом воздухе.

– Вы не понимаете! Я пытался...

Слова заглушил бой курантов. Тридцать пять часов! Остался час до срока!

Икру пронзает острая боль. Нога подламывается в колене. Не удержав равновесия, падаю. Качусь по скату. Попытки хоть за что-нибудь уцепиться тщетны – слишком скользко. Изуродованная кисть оставляет кровавый след и рвет мозг агонией... Край крыши. Мерещится, что у часовой башни шевельнулась тень. Падение.

Две секунды превращаются в вечность. Пытаюсь использовать силу. Стоит лишь открыть Пробой... ничего! Успеваю удивиться. Должно же получиться! Вознегодовать. Вот ведь! Смириться. А ведь день начинался неплохо, хотя стоит признать, весьма странно...

Кофе оказался обжигающим и паршивым до крайности, но идеально сочетался с мрачными думами. Я отпил еще этой бурды и вновь выглянул в окно. Со второго этажа авиапорта открывался потрясающий вид на взлетно-посадочную площадку дирижаблей. Особенно он был хорош в данный момент – минуту прибытия «Рассветного Бриза». Закрывая половину неба, оболочка уверенно блестела металлом, отражая полуденное светило. Отделанная же позолотой и искусно украшенная гондола смотрелась судном Предтеч, плывущим по морю Пристанища, чьи воды бушевали в каких-то

сотнях метров отсюда.

Для меня это значило, что осталось примерно полчаса, пока цеппелин состыкуется с причальной мачтой, и у пассажиров появится возможность спуститься на землю. А после... о дальнейшем не хотелось даже думать!

– Хех! Что, уже размышляешь, куда на службу могут взять бывшего пространственника-транспортника? – раздалось за спиной, и на стол упали серые листы «Вестника Агемо». – Вот, в помощь! На последнем развороте объявления о работе. Некоторые должности весьма недурны! Ежели совсем припрет, пойдешь в помощники к Старому!

– Конечно, спасибо, но меня пока не уволили. И я размышляю, что сделать, дабы подобного не произошло! – Выцветшая за последний час полуулыбка вновь наполнилась красками, почти искренними, пока я оборачивался к собеседнику. – Да, тебе тоже доброго дня, Каран. Какими судьбами?

– Доброго, доброго. Все по службе: мне и еще троим оперативникам поручили охрану прибывающего из Хроно посла. Ну а когда узнал, что и ты здесь, просто не мог устоять, чтобы не заглянуть.

Каран небрежно рухнул напротив. Кресло жалобно затрещало, не выдерживая более центнера добродушия, закованного в мышцы профессионального пространственника с бесстрастным взглядом. Вернее, пространственника-оперативника с серебряной серьгой.

– Получается, вы замена временщиков, которых мне поручено: «Встретить. Развлечь до конца дня. Обеспечить всем необходимым», – процитировал я его превосходительство Людера Рикмана.

– Хех! Ну, кому-то и это нужно сделать. – Отмахнувшись от спешащего полового, Каран закинул в рот любимую зубочистку из китового уса. – Пусть временщики, благодаря кристаллам блокировки времени, лишаются способностей в Агемо и в качестве охраны бесполезны, но они остаются временщиками – элитой Хроно. За ними необходимо приглядывать!

– Я не хуже тебя знаю Устав. Просто не в восторге, что получил задание столь неожиданно. С трудом успел добратся до авиапорта, пусть даже мне и выделили автомашину! О подготовке чего-либо для гостей и говорить не приходится...

– Хех! Уже наслышан о случившемся. Как только твой отдел умудрился дипломатическую почту потерять? Вот же его превосходительство Люд ер Рикман гневался... Ор слышали за квартал от храма пространства!

– Кому ты это говоришь? Я там находился, как-никак, глава отдела! Думал, всех поубивает по старой армейской памяти! А как выражался! «Несколько идиом вполне тянули на психологическое оружие», – сказал бы наш преподаватель риторики из Университета.

Мы дружно расхохотались. Запах свежей прессы и горячего кофе, рокот моря за окном и хорошая компания – на-

строение вместе со взглядом на ситуацию начали меняться.

– Ну, его превосходительство, конечно, горячая голова, но справедливая! Кстати, слышал, ты мог отказаться от задания и не рисковать работой?

– Тем самым перечеркнув все, чего добился за последние семь лет? Пойти тягать грузы в Звенящие земли? И все из-за ошибки кого-то из моего отдела? Ни за что! Не собираюсь упускать реальный шанс показать себя начальству! Я о подобном и мечтать не смел, после случая в Университете... – передернуло от воспоминания, а улыбка треснула. Лишь на миг. Дальше я продолжал вновь беззаботно: – Если проваляюсь, так увольнение станет избавлением, попробую что-нибудь новое!

– Пожалуй, ты прав, риск – дело благородное. Хех! Тем более ты один из самых башковитых и неунывающих людей, кого я знаю! Обязательно выкрутишься!

Ответом стал тяжелый вздох – хотелось верить. Но чем же заинтересовать прибывающих временщиков? Информации о них было катастрофически мало. Насколько известно, совсем дети – только практику после Университета закончили. При этом стоило помнить: на физический возраст временщиков ориентироваться бесполезно. Психологически они могли оказаться в разы старше! Может, мы в двадцать пять для них покажемся детьми.

Потому что-то банальное вроде экскурсии по Агемо или похода на ипподром – на самый крайний случай, если пере-

стану себя уважать и совсем отчаюсь. Императорский театр и Большой цирк? Мысль, конечно, дельная, но в приличные места, вроде подобных, контрамарки заказывают минимум за неделю! Бархатный остров... тоже имелась проблема: по большей части это ночное времяпрепровождение. К тому же одна из прибывающих – леди. Требуется что-то оригинальное! Желательно индивидуальное! Только пока неизвестное мне. Вот только говорить об этом товарищу я не собирался.

– Хех. Между прочим, на тебя делают ставки: облажаешься или сможешь удовлетворить результатом его превосходительство.

– Так вот, значит, из-за чего ты тут на самом деле? – не смог я сдержать смешка. – Сколько тебе надо на этот раз?

– Обижаешь! Я здесь исключительно по дружбе и по службе! – После чего добавил значительно тише: – Но от двух сотен эвот не откажусь...

– Недельный оклад? Не многовато? Хотя... Две сотни так две сотни! – Я вытащил две ассигнации и протянул товарищу. – Проценты и сроки возврата знаешь. Лучше скажи, какие на меня прогнозы?

– Ну... Примерно один к десяти, против тебя! Если что, я поставлю на тебя...

– Спасибо и на том! – Я задумался, а затем достал еще одну ассигнацию на сто эвот. – Тогда и за меня сделай ставку. Проиграю – станет не до того, выиграю – будет на что отпраздновать!

– Хех! Вот теперь узнаю своего друга! Правильный подход! – Взор Карай замер, как и зубочистка. Посмотрев в зеркальную поверхность окна, я увидел пространственника. Прислонившись к колонне у входа в кофейню, тот с явным нетерпением ожидал Каран. Товарищ заторопился: – Ладно. Пора мне. Нужно последний раз все проверить! Без меня, как без рук, сам понимаешь! А тебе удачи! Встретимся завтра, перед работой в баре, и все расскажешь.

– Обязательно, – буркнул я уже в спину.

Протяжно вздохнул. Общение, пусть даже с хорошим знакомым, – выматывало. Пригубил кофе, который на сей раз показался не таким уж паршивым. Выглянув в окно, удостоверился, что рабочие всюю крепят причальные канаты. Еще имелось время, чтобы изучить прессу и допить напиток.

Передовицу пропустил. Иммунный совершил новое убийство. Читать о проклятье Агемо и его извращениях не имелось ни малейшего желания. Тем более что я не собирался при первой встрече рассказывать временщикам о нем.

Уголовная хроника: очередные чистки на Гибридном острове и, как следствие, беспорядки; около дюжины статей об убийствах жителей разной степени известности; данных о кражах и ограблениях – без счета.

Несколько страниц политической хроники: целая полоса о прибытии посла и разворот о новом законе Императора, как всегда в пользу аристократии.

Пара слов о громких событиях за пределами столицы: слу-

хи об инициации наследника Властителя Хроно через полгода; очередная кровавая акция Юнион на периферии Империи. Затем экономика: новое повышение налогового сбора при торговле с СДО и забастовки рабочих на заводах, требующих двадцатишестичасовой рабочий день.

Наконец, светская хроника – целая куча слухов.

В топку все! В таких тонкостях жизни я разбирался слабо, чтобы развлекать ими гостей. Но, добравшись почти до конца, обмер, чувствуя, как заходится сердце, – нашел... Лодур всех побери, нашел то, что требовалось! Хроника сегодняшних событий на Технической выставке. «Использование радиации в медицине – раскрытие сверхспособностей людей!»; «Ультрафиолетовое излучение – новое слово в криминалистике!»; «Двигатели внутреннего сгорания и электродвигатели – техника будущего или опасные игрушки?»; «Электромагнитное излучение, материалы и техника!» – лишь малая часть заголовков.

Техническая выставка – квинтэссенция научной мысли нашего века. Если правильно помню, открытие произошло неделю назад в одном из самых живописных мест Агемо – Императорских садах. Вход свободный, а количество изобретений со всего мира не поддавалось счету. Покупать билет приходилось лишь на лекции, но это стоило того, ибо их вели самые известные светила науки. Там должно... Нет! Просто обязано найтись то, что заинтересует временщиков! Кроме того, я сам хотел побывать на Технической выставке, но со-

вершенно замотался с работой, а тут такой случай!

Из восторженных мыслей вырвали крики, гам и просто шум, усилившийся до предела на первом этаже авиапорта. Выглянул в окно. Так и есть, спустились девять человек – пассажиры первого класса. От группы сразу отделились трое: тучная фигура посла, чуть позади темная мужская фигура в строгом сюртуке и легкий девичий образ в ослепительно-белой меховой ротонде, дополненной легкомысленной шляпкой с перьями, – временщики охраны. В то время как остальные заходили в здание авиапорта, троица разговаривала с группой встречающих делегатов.

Стоило выдвигаться. Одним глотком допив ту отраву, что здесь подавали под видом кофе, я надел перчатки и чуть пошарпанное, но достаточно теплое для середины весны пальто и двинулся на выход.

Спускаться вниз жутко не хотелось. В отличие от второго этажа, где могли находиться только аристократы, пространственники да немногие состоятельные граждане, на первом смешалось все и вся. Людское море бурлило и кипело: кто-то куда-то спешил, пытаясь в последний момент что-то успеть перед отлетом; кто-то радостно встречал кого-то, прибывшего откуда-то; некоторые вовсе толком ничего не делали, лишь создавали непрекращающуюся суету.

В рассеянном свете, прорывавшемся сквозь множество давно не мытых окон, я позволил себе облокотиться на пери-

ла в минутной меланхолии. Как бы ни бодрился и ни убеждал себя, что свалившиеся перемены к лучшему, но стоило признаться – я боюсь. Очень сильно боюсь изменений, хоть и стремлюсь к ним всем сердцем! Впереди же ждала не очередная вылазка по работе, даже не встреча с друзьями, а нечто, возможно способное изменить мою жизнь. По крайней мере, тепло надежды грело изнутри.

Внимание привлек образ в серой толпе – белая шляпка с перьями. Полуулыбка вновь появилась на лице, и я нырнул в мешанину основного зала. Пробиваться сквозь людские наслоения оказалось делом муторным и крайне невежливым, но движение продолжалось, пусть островок легкомысленности то и дело норовил ускользнуть из вида. Однако у цели оказался все равно неожиданно.

То, что ошибся, сбившись на чужой оплот женской ветрености, стало очевидно мгновенно. Девушка, воплощенный весенний ветерок, являлась встречающей: в ее нежных объятиях уже улыбался дорого одетый седовласый мужчина, шепча что-то ласковое и мягко приобняв юную леди рукой с тростью, увенчанной рубиновым набалдашником.

Мысленно выругался. Не хватало провалить задание, поглупому потеряв временщиков! А без ориентира в огромном зале можно искать их вечность!

– ...Я тоже! Я тоже, господин Рейм. – Слух вычленил имя одного из временщиков где-то рядом. – Для нас очень приятно знакомство с вами и госпожой Лорн. – Вот и второе имя.

Попытался сориентироваться. По толпе в очередной раз прошла судорога, чуть не сбив с ног. Когда поднял взгляд, вид изменился – передо мной предстали требуемые временщики.

– О! Вот, похоже, и встречающий! – Юный джентльмен лет двадцати, заметив меня, сияя, двинулся навстречу. – Нас предупредили об ожидающем в кофейне на втором этаже, но вы действуете на опережение – встречаете у входа! И как раз вовремя, друг мой!

Я, проходя, отметил, что толпа сама собой расходится от него: в чеканном шаге и статной фигуре – мужчины чувствовали сокрытую силу; в уверенной улыбке и безукоризненной манере держаться – женщины опознавали высокородного человека. При этом все без исключения провожали их долгими взглядами.

– Позвольте представить наших попутчиков и, надеюсь, хороших друзей: господин Юрдин Ленский и его многоуважаемая супруга Мерия Ленская – купцы первой гильдии и промышленники, ныне отошедшие от дел.

Парень приобнял меня как старого знакомого. Я мысленно скривился, однако не стал сопротивляться, позволяя увлечь себя в компанию к почтенной пожилой паре. Лишь быстро обернулся, в неясном порыве надеясь найти взглядом свою ошибку. Вокруг бушевала однотипная серость рабочего дня...

– Что вы, Рейм! Вы льстите! Мы простые старики, при-

бывшие в Агемо проведать детей и внуков. – Сухонькое лицо пожилой дамы даже помолодело от легкого румянца, а многочисленные драгоценности заиграли ярче. – Ни к чему господина пространственника загружать подобными мелочами.

– Отнюдь! Я очень рад! Большая честь познакомиться с такими приятными людьми! Меня зовут Юрий Викторович Сломов, пространственник, всегда к вашим услугам. – В светской болтовне я слаб, к счастью, вбитая до уровня рефлексов вежливость выручила и на сей раз.

– Все-таки зря говорят, что нынешнее поколение безнадежно. С такими людьми, как вы, господин Юрий и многоуважаемые временщики, у мира, несомненно, есть будущее, – вальяжно вставил слово Юрдин Ленский, высокий господин в костюме, что стоил как мое жалованье за полгода.

– Великолепно! Просто замечательно! – Блеснув во все тридцать два, Рейм протянул руку. – А меня зовут Рейминар Дмитриевич Рогозер, – временщик. Для друзей просто Рейм, так что не стесняйтесь! Леди же рядом – моя очаровательная спутница и напарница, непревзойденная Лорн.

Девушка стояла чуть позади и сбоку от Рейма, да еще оказалась на голову ниже парня. Неудивительно, что ее шляпка затерялась в толпе. Вот теперь и саму не сразу приметил. Мадемуазель выглядела еще более юной, нежели спутник, – лет семнадцать, не больше, – но в отличие от джентльмена не так ярко красива. Собственно, она вообще не была красива, для этого ей не хватало глаз – их укрывал отрез белой тка-

ни, что говорило о слепоте бедной девушки. Тем не менее молодая леди держалась более чем достойно: облик и поза буквально излучали понимание и всепрощение, что помимо воли делало ее миловидной, вызывало симпатию и доверие.

– Очень рада встрече. – Едва уловимый изгиб губ Лорн осветил мою душу.

«Похожи, как ночь и день», – мелькнула шальная мысль.

Именно «похожи». Как одно является отражением другого, так и тут идеально сочетались ослепительное пламя молодого человека, словно солнца на небосклоне, и мягкие отблески внутреннего света юной леди, подобные отражению в глади озера Глаз ночи. Если до этого оставались сомнения, что временщики окажутся не просто коллегами, но и парой, то теперь они рассеялись окончательно.

– И все же, как бы нам ни хотелось продолжить знакомство, вынуждены откланяться, – Юрдин Ленский взял под руку супружницу. – Как уже упоминали, дома нас ждут родные, а сердце истомилось в ожидании встречи.

– Вот ведь! Совсем не подумал! – Джентльмен скользнул взглядом по наручному хронометру, гордости и отличительной особенности временщиков. – Действительно, время уже двадцатый час. А ведь у нас тоже есть дела! Однако надеюсь увидеть вас вечером?

– Обязательно появимся! Хотя там будет этот докторишка Лембер... Ну да не все идеально в мире! Такой прием пропускать просто недостойно! – Юрдин Ленский украдкой и

крайне фривольно подмигнул Рейму. – А теперь до свидания!

Чета Ленских, сопровождаемая тройкой слуг, загруженных багажом, растворилась в толпе.

– Что ж, теперь я в вашем полном распоряжении, господин Рейминард, мадемуазель Лорн.

– Просил же без всяких, мы коллеги и почти ровесники... Хотя, воля ваша. Но помощь с вещами действительно не помешает. Ума не приложу, что с ними делать и как тащить?

Молодой человек указал на несколько саков и коробочек, до сего скрытых за колонной. Лишь маленький клатч в руках Лорн. Спрашивать, куда делись те, кто нес вещи ранее, так же как и унижаться ролью носильщика, я не собирался, однако и отказать не имелось возможности. Потому подошел к вещам и, коснувшись, напряг силы пространственника, концентрируясь на нужном эффекте. По спине прошла волна мурашек... ничего не произошло. На миг я замер. Глубоко вздохнув, обернулся к временщикам.

– Господин Рейминард, мадемуазель Лорн, не могли бы вы экранировать свои кристаллы блокировки пространства?

– Кристаллы блокировки? О, простите! Лорн тут ни при чем, это я, пустая голова, совсем забыл! – Рейм крутанул свинцовую плашку, закрывая циферблат хронометра. – Прошу прощения, никак не привыкну к новым правилам.

– Ничего, бывает. – Импульс боли от правого уха в сердцевину мозга, и вещи исчезли, переместившись в простран-

ственный карман. Осталось только не показать виду, что мне тяжело, вес предметы не потеряли. – Но прошу, будьте внимательнее. Кстати, вы быстро опознали во мне провожатого. Что меня выдало?

– Ваш товарищ Каран дал довольно точное описание. «Субтильная фигура под два метра, укрытая старым серым пальто. По-военному коротко стриженные волосы, наверняка дыбом. Причем половина головы седая. И это подчеркивает самое радушное лицо, что я когда-либо видел». После таких слов я понял, что мы поладим. Кроме того, друг мой, ты единственный в зале с серьгой пространственника.

– Да? – Я невольно провел пальцами по ободу правого уха, закованного в сталь с причудливой гравировкой. Тому, что превращало меня из простого чувствующего в обладающего силой пространственника на службе Империи. Одновременно поклялся поднять процент Каран вдвое, за «честность». – Похоже, я тоже кое к чему слишком привык и стал забывать.

Волнорезом рассекая толпу впереди, не сразу заметил движение вокруг шеи Лорн. Полузабытые рефлексы заставили руку метнуться к револьверу под пальто, но разум помог вовремя остановиться: то, что я принял за меховой верх ротонды, оказалось небольшим пушным зверьком.

– Мефи, ты проснулся. – Вкрадчивый голос Лорн и то, что извлеченный из клатча кусочек вяленого мяса оказался у зверька, развеяли последние опасения.

– Какой милый зверек, – заметил я рефлексивно, взгля-

дываясь в мех животного. Весьма необычный, серебристый цвет, еще и поблескивает, словно металл.

Черные бусинки глаз остановились на мне. Почему-то стало неуютно. Но хватило легкого усилия воли, чтобы стряхнуть ощущение. Животное вздрогнуло. Тут же выгнулось, вздыбив шерсть, и зашипело, оскалив белые острые клыки.

– Это ласка фером. Обладает уймой уникальных талантов. Очень редкий представитель прямиком из Мраморных лесов. Должен заметить, Мефи – верный друг Лорн. Является ее помощником и защитником в мое отсутствие. Так что прошу любить и жаловать третьего члена нашей команды!

– Не волнуйтесь, господин Юрий, чувствую, с Мефи вы поладите. Вы ему понравились – подавляющую часть людей он просто игнорирует. – Певучая речь и осторожные поглаживания Лорн заставили зверька успокоиться и, более того, довольно заурчать.

Самовлюбленный франт, слепая девочка и злобное животное – что ж, могло оказаться и того хуже. Хотя кому я вру... Единственное утешение – возиться с ними только до конца дня. Правда, «возиться» – громко сказано, ибо, что делать дальше, я не представлял. Гениальный план: показать Техническую выставку... да вообще что-либо показать – оказался неосуществим в принципе.

– Так, значит, у вас еще имеются дела в Агемо? – Я придержал перед временщиками двери выхода из авиапорта. – Мне необходимо знать, куда вас сейчас отвезти.

– Да какие там дела! Сущие пустяки! Занести багаж в посольство Хроно, где мы остановимся. Отчитаться о прибытии у главы временщиков в том же посольстве. Неплохо бы заскочить в Банк Последних, а то поиздержались мы в дороге. Дел на пару часов, не больше!

– Что же, тогда прошу!

Небрежный жест на стоящую недалеко от входа автомашину одной из последних моделей, кою с интересом рассматривали извозчики окружающих пролетов. Как-никак даже в Агемо не каждый день можно увидеть инженерный гений: цельнометаллический корпус, дополненный лобовым стеклом и окошками в дверцах, с максимально удобными кожаными сиденьями и объемным котлом, блестящим медью, возвышаясь за кабиной. Именно от него веяло теплом, таким приятным в стылый день. Не техника – мечта!

Предстоящая поездка являлась шансом придумать что-нибудь! Или... Дальше посмотрим.

– Все же это очень перспективное изобретение!

– Да что перспективного, Рейм? Игрушка, не более! Громоздкая и тяжелая. Дорогая – две тысячи эвот винтовка да патроны каждый по эвоту. Крайне сложная: десяток выстрелов, и конец – не починить в поле, инженер нужен! Не говоря о том, что установка не блещет характеристиками: винтовка, но прицельная дальность и до полукилометра не дотягивает!

– Громоздкая, тяжелая и дорогая, потому как прототип,

друг мой. Сложная конструкция? Не спорю. Еще та задача – собрать винтовку, способную поддерживать высоковольтный заряд конденсатора пули! Но дальнейшие разработки сделают ее компактнее, легче, дешевле... одним словом, удобнее. Плюс недостатки компенсируются уникальными боевыми характеристиками, чьи возможности ты, похоже, пока не разглядел!

– Да? Так просвети меня! Я само внимание...

...Пожалуй, я несколько погорячился, вынося суждения о временщиках. Теперь готов это признать, ибо парочка оказалась весьма понимающей! За время пути, захода в банк, выгрузки вещей и ожидания у посольства я так и не нашел чем развлечь временщиков. Потому не придумал ничего умнее, как признаться гостям в отсутствии развлекательной программы. Ну как «признаться»... Предоставил самим выбрать место, где провести время! Они не только не стали возмущаться, но даже обрадовались возможности и, к моему удивлению, приняли единогласное решение – посетить Техническую выставку.

Теперь же мы с Реймом оживленно спорили под тентом «Современного стрелкового вооружения». Общаться с временщиком оказалось на удивление легко и приятно, словно были знакомы не какие-то пару часов, а целую вечность. Даже не заметил, когда перешел на «ты», что для меня нонсенс! Лорн при этом словно и не обращала на нас внимания, одной рукой держась за партнера, второй играясь с расшалив-

шимся Мефи.

– Это оружие не для противостояния живой силы противника, друг мой! Фулгер великолепно покажет себя против техники! Представь попадание в самоходную тележку, причем в любую электропроводящую часть – разряд конденсатора пули пройдет по корпусу и уйдет внутрь. Автомашина на электродвигателе – разряд спалит аккумуляторы; техника с двигателем внутреннего сгорания – электроразряд может воспламенить жидкое топливо, тогда взрыв уничтожит автомашину и...

– Мы живем не в будущем, а в настоящем. Рассматривай самый реалистичный и распространенный вариант – паровую машину.

– Насчет техники с паровым двигателем... с ходу придумать не могу. Но! Как упоминал, разряд пули способен пройти по любой проводящей поверхности, поэтому живой силе, что находится внутри любой, подчеркиваю – любой техники, не поздоровится! Насколько видишь, Фулгер небесполезна.

– Кто же ему название такое дал? На каком это языке – Фулгер? Назвали бы просто «электрическая винтовка». Или, если хотели покрасоваться, «молниеносная винтовка»! Я даже согласен на что-нибудь пафосное вроде «Рокота».

Тут слово взял парень-лектор, приставленный к тенту для ответов на вопросы. Увлечшись, мы совершенно про него забыли.

– Это уникальное название присвоили Последние при ре-

гистрации патента. Язык очень древний, память о котором сохранили только они. Также из него взяты и вошли в речь многие иные понятия: шампанское, кофе, апельсин, брюки, цеппелин и другие. Возможно, именно из этого языка пришли некоторые пословицы и поговорки. Не говоря об общепринятых системах измерения: метры, килограммы, вольты, амперы, ньютон, децибелы, юри...

– Мы поняли. Спасибо за информацию. – Я бросил монетку парню, и мы поспешили двинуться дальше, продолжая спор: – Рейм, возможно, и сработает при условии проводящего и не заземленного корпуса!

– Если корпус непроводящий, тут другой эффект, другой: заряда конденсатора хватит, чтобы прожечь немалую дыру и порядком испортить технику. С заземлением сложнее, хотя наверняка можно что-нибудь придумать!

– Пока не придумали – это игрушка!

Техническая выставка проходила в наиболее просторной части Императорских садов – аллее Фонтанов. Аллея вела к Императорскому дворцу, потому организаторам пришлось постараться, чтобы экспонаты органично вписались в местные виды. И стоило признать, выставка удалась! На фоне аккуратных темно-коричневых крон с набухающими почками – множество навесов разных цветов, в зависимости от представляемой области науки. Это перемежалось композициями каменных фонтанов, оживляющими пространство отблесками солнца в задорно звенящих струях хрустальной во-

ды, которые, в свою очередь, прекрасно сочетались с бликами от полированного металла и стекла представленных изображений.

– Друг мой, такое чувство, что ты не доверяешь новшествам, окружающим нас! Что кажется парадоксальным с учетом того, как хорошо ты разбираешься в технике! Одно удовольствие с тобой спорить!

– Разбираюсь? Не без того! Но ты прав – не доверяю я технике, ибо это попытка обмануть природу. Обойти ее правила!

– Возможно, ты имеешь в виду «использовать» законы природы?

– Человек использует природу и ее законы с момента обретения разума. А обманывать стал только последнее столетие. Чего только стоят новомодные «квантовая физика» и «молекулярная химия» – чистой воды попытка обойти законы мироздания! «Генетика» и «клеточная биология» – попытки переписать живое под себя. Техника, да и вообще прогресс – это ложь!

– Что же в этом такого? Способности временщиков, Последних и пространственников – это тоже совершенно неестественно, противоречит законам физики, химии, биологии и иже с ними. При этом ты же пользуешься своим даром и предоставляемыми новинками.

– Пользуюсь. Не пользоваться глупо. Хотя стоит понимать, что ложь – всегда плохо! За ложь рано или поздно

но придется расплачиваться! Прогресса это тоже касается. Стоит только посмотреть, как уничтожаются леса и животные, загрязняются воды и атмосфера планеты. Возможно, ты слышал термин «экология»? Техника уничтожает ее! Или бурно развивающаяся медицина – на каждую побежденную болезнь появляется несколько новых, более страшных. Ты спрашиваешь, зачем мне знания, – чтобы понимать, как природа может ответить на попытку ее обмануть.

– Плохо... хорошо... – Рейм поморщился. – Не теми категориями мыслишь, друг мой! Разделять мир на две грани – значит ограничивать себя. По мне, если имеется возможность чем-то воспользоваться, не стоит думать, хорошо это или нет, – раз возможность существует, значит, она предусмотрена мирозданием, а мироздание никогда не ошибается и тем более не делает ничего зря. Техника, наука, в целом «ложь» – это нечто большее, нежели однотонно окрашенные понятия...

Несмотря на середину буднего дня, на выставке находилось предостаточно чинно одетой публики. У особо занятых мест порой собирались группы или вовсе столпотворения. Однако с некоторого момента я отметил, что данная проблема не касается нас – вокруг всегда имелось место. Вначале не обращал внимания, но чем дальше мы гуляли, тем больше замечал украдкой брошенных косых взглядов и перешептываний за спиной. Большого ума не требовалось, дабы понять: внимание обращено на временщиков. Я, конеч-

но, знал, что к ним отношение в Империи особенное – исторически сложилось, но не настолько же! Хорошо, что Лорн и, главное, Рейм, увлеченный спором, не обращали на подобное внимания.

– Да? Как же тогда охарактеризовать «ложь», если не отрицательно или положительно? Серой необходимостью?

– Фу... Юрий, не разочаровывайте таким банальным взглядом на мир! Очевидно до банальности: ложь – это искусство.

– Искусство?

– Да, искусство... Но, если позволишь, несколько отложим спор. Ибо мы, кажется, достигли цели.

Мы стояли рядом с просторной палаткой... хотя, скорее, небольшим зданием из алой ткани. Над входом красовалось: «Электромагнитное излучение, материалы и техника!», ведущий лекции – инженер Тербий Вронский. Публика бурлила в ожидании, потому совершенно неудивительна оказалась табличка в окошечке кассы: «Контрамарок нет».

– Выступление через пятнадцать минут, – вспомнилась афишная тумба, где Рейм, шумно комментируя все и вся, выбирал, куда идти. – Контрамарки не достать при всем желании!

– Пожалуй, ты прав, друг мой. Тогда пойдем другим путем. Интересно, где вход для персонала? – Рейм двинулся в обход палатки. – Попробуем достать контрамарки у лектора!

– С чего уверенность, что он пожелает спонсировать наше

увлечение? Попробуешь своим «искусством» убедить?

– Как ни иронично, но почти. Тербий Вронский – наш добрый знакомый с цепелина! Думаю, он не успел еще нас позабыть и не откажет провести! Хотя, к Лодуру, есть обходные пути! Кажется, я вижу самого Тербия! Поспешим же!

Услышав собственное имя, инженер, больше похожий на недельного пропойцу, вздрогнул и резко обернулся. Рука характерно нырнула за полу помятого и изгвазданного пальто. Я же дернуться не успел, как почувствовал жесткую хватку Рейма. Мужчина, давно за пятьдесят, к этому моменту разглядел нас... точнее, временщиков, и сразу обмяк. На опухшем лице с клочковатой щетиной заплясала неуверенная улыбка.

– Рейм, госпожа Лорн, какая неожиданность! – вскинул руки Тербий Вронский.

Мы поспешили навстречу друг другу. Лишь сойдясь, я понял: пальто, накинутое на согбенные плечи, на самом деле являлось парой сложенных крыльев, а всклокоченная шевелюра – ворохом черных перьев. Рух-инженер – что-то новенькое, обычно жители горных племен не особо жалуют прогресс. Хотя почему бы и нет? В отличие от других получеловеческих рас, они на особом счету в Империи.

– Да вот, на Техническую выставку пришли, полюбоваться чудесами прогресса. Хотели заодно к тебе на лекцию зайти, ведь твои работы с электричеством – просто нечто! Кроме того, ты обещал представить на выставке что-то неверо-

ятное! Но какая оказия – контрамарок нет. Ну и подумали, может, выручишь? – Когда инженер обнялся с Реймом и поцеловал ручку госпоже Лорн, мужчины обернулись ко мне. – Кстати, познакомься, наш новый друг – Юрий Сломов.

– Тербий Вронский. Друг Рейма – мой друг. – Рукопожатие инженера оказалось вялым и влажным, как и скользнувший по мне взгляд. – Истинно, то, что я привез на суд мирового научного сообщества, – настоящая феерия мысли! Не говоря о совершенной симфонии образов в электромагнитном спектре... Очень жаль, что человеческое зрение не приспособлено к подобному! Все злопыхатели, как мои, так и электрической техники в целом, проглотят языки, когда увидят! Но к сожалению, не сегодня. С минуты на минуту сообщат, что лекция переносится на неопределенный срок.

– Что-то случилось?

Глаза руха лихорадочно блеснули. Взгляд вертикальных зрачков заметался по толпе, причем каждый зрачок сканировал отдельного человека, на миг вспыхивая алым. Стоит присмотреть за ним...

– Ничего, о чем стоило бы беспокоиться. Желая удостовериться, что все пройдет без накладок: перепроверить расчеты, техническое обслуживание, и не до конца уверен в надежности некоторых элементов. Кроме того, необходимо защититься от других опасностей. Рейм, понимаешь, о чем я... – Рух не закончил фразу, закашлявшись долго, надрывно.

– В кашле слышатся хрипы. Болезнь усиливается! – встрепенулась Лори. – Тербий, возможно, вам стоит заканчивать с работой допоздна и полетами на больших высотах? Лучше прислушайтесь к советам доктора Лембера!

– Польщен заботой, госпожа Лори. Но полеты – единственное, что помогает мне развеяться и успокоиться. А работа – это и вовсе мое все! Необходимо столько закончить...

– Тогда подумайте о том, что, не следя за здоровьем, вы можете вовсе лишиться возможности работать! А люди лишатся ваших открытий!

В мягком голосе слышалась такая непреклонная воля, что рух, подчиняясь, склонил голову и забормотал:

– Вы правы, госпожа Лори. Что ж, раз лекция отменена, то отправлюсь отдохнуть... Однако, нехорошо получается! Вы пришли ради меня, а я не могу пригласить вас! Единственное, что приходит в голову, – помочь с контрамарками на другую, не менее интересную лекцию: «Ультрафиолетовое излучение – новое слово в криминалистике!» Насколько знаю, лектор – профессионал своего дела, проходит недалеко отсюда, и начало всего через час, а вам почти по профилю! – Три замусоленных билета перекочевали в руки Рейма. – А мне пора, уж извините! Мое почтение, Рейм, госпожа Лори!

– Может, вас проводить? – решил поддержать я знакомство. – Вы действительно не очень хорошо выглядите. Много времени это не займет, я как пространственник...

– Благодарю, ни к чему, – хрипло, резко громыхнул Тер-

бий Вронский и вновь закашлялся. – На Гибридном острове уже снята квартира, а на выходе с выставки поймать пролетку не составит труда. Но благодарю, было приятно познакомиться!

– Взаимно. Спасибо за совет и помощь. Поправляйте здоровье, – улыбнулся я рефлексивно. Когда инженер растворился в глубине парка, я для проформы уточнил: – Куда мы теперь? На лекцию?

– Может, не стоит? Если вы не против, мальчики, то пройдемся по другим, менее людным частям Императорских садов? Подышим свежим воздухом, погуляем в тишине, благо погода просто прекрасная?

– Да, в это время года одно удовольствие любоваться природой! Виды же на Императорский дворец потрясающие!.. Ох! – Мысленно отвесил себе оплеуху за слова, бегущие впереди разума. – Прошу прощения, мадемуазель Лори...

То состояние, в котором она находилась... Это вызывало немалое уважение – девушка очень сильна, раз так спокойно относится к своим недостаткам. Я отчетливо понимал, что решение прибыть на выставку принято в угоду лишь одному. Поэтому за время прогулки меня терзало чувство несправильности, неловкости перед Лорн.

– Не стоит, господин Юрий. – Лорн улыбнулась в пространство. – Если я не способна что-то делать, так почему должна обижаться, если другие это могут и даже любят? Или хуже того – отбирать радости жизни! Наоборот, я счастли-

ва, что у Рейма и у вас, господин Юрий, имеются возможности, коих я лишена. Надеюсь, зависть не самый большой мой грех.

– Как по мне, у вас не может быть грехов, – со всей искренностью заверил я.

Переход из аллеи Фонтанов в Парковые просторы ознаменовала десятиметровая арка из причудливо кованной стальной сетки. В контуре оной с тихим треском бушевали тысячи и тысячи маленьких молний, создаваемых двумя исполинскими электрическими катушками в основании. Конструкция находилась над парковой дорожкой, уводившей в стену практически непроходимой растительности с густым подлеском, что так и дышала первобытной мощью и спокойствием.

– Просто потрясающее использование катушек Тилана! Высокочастотное напряжение для генерации пробоя, а сетка в качестве заземления! Как жаль, что ты, дорогая Лори, не можешь этого видеть, невероятно красиво! Зря ты волновался, друг мой, что нам не понравится, – это весьма впечатляюще и вдохновляюще!

– Рад, что тебе пришлось по душе! Однако, если позволишь, ты утверждаешь, что ложь – это искусство? – Стоило тени деревьев лечь на плечи, я решил возродить зацепивший меня разговор. – Как, по-твоему, намеренное утаивание, искажение информации, частичное или полное, или во-

все подача изначально неверных данных – однозначное зло мира, может являться искусством? Ведь искусство – один из способов познания, который интересен и творцу, и окружающим. Подобное в основе противоречит понятию лжи!

– Эх, не умеешь ты наслаждаться моментом, друг мой. Ладно! Разве это не очевидно? Судя по взгляду, не особо... Давай попробую объяснить, как это вижу я! Полагаю, нагляднее всего сделать это на сегодняшних разговорах... хоть на прошедшем с Тербием Вронским. Скажи, друг мой, в чем и как он солгал? Не забудь отметить, какое у тебя сложилось о нем мнение, исходя из этого?

– Как это связано с темой...

– Просто позволь, друг мой, мне полностью высказаться, и для начала ответь на вопрос!

Зубы скрежетнули, пока припоминал давешний диалог. Взгляд же скользил по белокаменным шпильям стены-периметра Императорского дворца, что словно являлись продолжением парка – самыми высокими деревьями, растерявшими ветви и кору, но при этом не утратившими мощи и монументальности. Символ незыблемости и спокойствия Империи.

– Что же. Самое очевидное, – он, мягко говоря, не особо обрадовался знакомству со мной, причем, более чем уверен, из-за того, что я пространственник. Склонен предположить, из-за проблем с законом... Хотя лучше проверить данные. Также он был не до конца искренен, утверждая, что из-за

болезни отправляется домой, – он направился совершенно в противоположную сторону от ближайшего выхода, а полеты над Агемо запрещены. Скажу из личного опыта, удовольствие ниже среднего, когда на тебя гадят не только птицы, но, например, пегасы. Так вот, подобное говорит о том, что у него имеются дела в пределах Технической выставки, о которых не должен знать пространственник. В общем, должен сказать, он весьма подозрительная личность.

– Немного информации для размышления. Тербий Вронский один из светочей современности, можно сказать, гений! Да просто отличный человек, с которым и научный диспут устроить, и душевно посидеть можно. Но он безумен как тортик!

– Разве тортики безумны?

– Само собой! Какой адекватный коржик захочет становиться бисквитом?

– А... – протянул я многозначительно, начиная сомневаться, кто тут «тортик».

– Он страдает душевным заболеванием, в простонародье называемым паранойей. Свято уверен, что за ним охотится тайный сыск Империи, СДО, Последних, Свободного города и Предтечи ведают, кто еще. Все потому, что он один из ведущих инженеров Хроно и занимается разработкой «изобретения, которое опережает технический прогресс на сотню лет!» Одно то, что он пережил разговор с вами, говорит об огромной выдержке.

– Так зачем он с такой болезнью прибыл в сердце Империи, еще и на массовое выступление?

– Любовь к науке и технике у него на порядок сильнее любых фобий, за что к нему особое почтение. Кроме того, как-никак именно в Империи живет подавляющая часть его вида, его родственников. – Рейм печально усмехнулся. – Теперь усложним задачу: разговор с четой Ленских. В чем и как они солгали? Какое у тебя сложилось о них мнение, исходя из этого?

– Разве они хоть в чем-то солгали? – насторожился я.

– Разумеется! Хотя, признаю, не словами, но поведением и отношением. При этом в их лжи куда больше злонамеренности, нежели у того же Тербия Вронского. Вижу, заинтригован, спешу объяснить: они были добры и обаятельны как в твою сторону, так и относительно нас с Лорн.

– Что в этом такого? Простая вежливость...

– Которая, в свою очередь, есть ложь, ибо искажает информацию о человеке. Собственно, как почти все элементы культурного общения вроде шуток или дружеских рассказов. Это еще называют лицемерием. Но не станем углубляться, сейчас важнее, что их доброта преследовала цель – расположить нас. Семейное дело Ленских скоро сильно пострадает, если вовсе не разорится. В такие времена людям нужны союзники.

– Это Торговый дом Ленских? – вспомнил я одно из самых богатых и знаменитых учреждений Империи. – Тот, что

владеет сетью железных дорог к юго-западу от Агемо? Насколько знаю, у них все более чем в порядке, прибыли только растут.

– Просто поверь, друг мой, если у тебя вложены в этот Торговый дом деньги, то лучше их вывести в ближайшее время.

– Спасибо за совет. Все же я не до конца понимаю, к чему эти примеры?

– «Искусство – один из способов познания». Основываясь на отсутствии или наличии лжи, а также на ее разновидностях, ты составил мнение о людях... пускай и не совсем верное. Исходя из этого, можно считать ложь способом познания. «Что интересен и творцу, и окружающим». Надеюсь, интерес творца как в первом, так и во втором случае очевиден? Хорошо! Интерес же окружающих как раз в том, чтобы разгадать ложь и получить знания, о которых говорилось выше!

– Тем не менее это аморальное искусство! Оно несет вред!

– Вновь возвращаемся к началу, – сокрушенно покачал головой Рейм. – Абсолютные понятия о добре и зле! Скажи, какой вред принесла ложь Тербия Вронского, его попытка защитить себя? Молчишь? Правильно молчишь! А ложь четы Ленских? Чем она навредила тебе или окружающим? Ложь, как любое искусство, можно использовать и во благо, и во вред!

Рейм разделявал меня моими же словами и логикой, слов-

но ножом. Не скажу, что он наслаждался, но в прищуре глаз имелось что-то... отстраненно безжалостное. Однако признать поражение так просто я не мог:

– За ложь рано или поздно придется платить! Вообще, с чего мне верить тебе?

– Потому что я с тобой согласен, друг мой. По крайней мере, в той части, что «придется платить» – это единственное, с чем согласен из книги Несуществующих. Лгать невыгодно... по крайней мере, в том негативном смысле, в котором ты употребляешь данное слово, и в долгосрочной перспективе. Велика вероятность, что обман раскроют – это испортит отношение к обманувшему. С тобой же, Юрий, мы надеемся еще поработать, нам выгодно твое расположение и понимание – тогда в дальнейшем окажется меньше проблем. Хотя... – Край губ Рейма тронула усмешка. – Если жаждешь узнать, насколько я честен и в чем, стоит лишь понять, что я выиграю, солгав. Ежели мне захочется понять, в чем лжешь ты, мне стоит лишь оглядеться. Кстати! Интересная мысль: ложь во благо... конечно, слишком сиюминутное и субъективное понятие, но с ним твое «платить» меняет знак. Возможно, достижения науки – расплата за то, что человек разгадал загадки природы, ее ложь?

– Что же, мысль не лишена... рационального зерна, – процедил я. – По твоим словам, ложь – чуть ли не искусство понимать мир, воспринимать чужую точку зрения или, наоборот, показывать свою.

– Мальчики, альт! – Насмешливый голос Лорн заставил вздрогнуть. – Наблюдать за словесной дуэлью на философских шпагах измышлений, конечно, очень интересно. Но любой спор бесполезен и, более того, вреден, если не ведет к действиям... или хотя бы не заставляет задуматься! Сейчас у вас есть что осмыслить!

– Дорогая, ты, как всегда, права, я слишком разгорячился и не подумал, – встрепенулся Рейм, нежно обнимая Лорн. – Да и ты наверняка утомилась. Может, присядем? Вот и лавочка!

Запоздало пришло понимание, что спор из дружеской болтовни перерос в нечто большее, нехорошее – судорожно стиснутые кулаки аж побелели. Я замедлился и подотстал. Несколько глубоких вдохов и взгляд на местные красоты – этого хватило, чтобы взять себя в руки...

Центральный остров Агемо венчал Императорский дворец. Он словно вырастал из темного полога парка: стволы деревьев плавно перетекали в мрамор многочисленных колонн строения, те, в свою очередь, распадались на множество ветвей всевозможной лепнины, украшавшей фасад и обрамлявшей яркие цветы мозаичных витражей, и все венчала вечная битва статуй на крыше. Архитекторы и строители потрудились на славу после Опустошающего пожара во время Чумы Отката.

– Это уже интересно! Юрий, друг мой, взгляните на сие прелюбопытнейшее явление!

В нескольких шагах от примеченной Реймом лавочки сидело нечто... Пожалуй, если вытащить нечто из вороха тряпья, подстричь, побрить, помыть, приодеть, то, возможно, это и станет человеком. Но сейчас...

– Да вашу суть! Пошел отсюда прочь! Развелось попрошайек! Работать совсем не хотите, теперь еще и приличным людям мешаете! Вали отсюда, погань!

– Господин хороший, пощадите. Подайте, сколько можете, бедному человеку, ветерану Сезонной войны, из-за ранения более неспособного позаботиться о себе...

Из тряпок потянулась конечность с обожженными пальцами и обгрызенными ногтями, обдав жутчайшим амбре. В омерзении я отстранился.

– Пошел вон, я сказал! – рявкнул я. – Видишь серьгу на ухе? Если не хочешь на каторгу в рудники гор Раскола, чтобы через десять секунд духу твоего здесь не было! А коль еще раз встречу и станешь притворяться ветераном Сезонной войны, то тебя по частям собирать будут! Отсчет пошел. Раз...

– Что же вы так, господин Юрий, – остудила вспышку Лорн, и я замер, понимая, насколько неприглядно выгляжу. – Может, бедолага говорит правду? Обстоятельства складываются самые разные, порой любому может понадобится помощь.

Юная девушка подошла к этой мерзости, жестом оставив Рейма позади, и опустилась вровень с пародией на человека.

Лишь Мефи, не одобряя действий хозяйки, скалил зубы... да что там, прыгал на плече, потявкивая в нетерпении, но все же не смея напасть.

– Мадемуазель Лорн, – напрягся я. – Это лжец и мошенник! Такой швали, как ни горько признавать, развелось предостаточно на улицах Агемо. Если бы хоть половина являлись ветеранами Сезонной войны, то СДО... Этот так называемый Союз Демократических Островов просто побоялись бы высаживаться, узрев такой численный перевес. Прошу, отойдите от этого убожества, а то еще подцепите что-нибудь. Лучше пойдемте дальше, следующая лавочка недалеко...

– Не бойся. Все будет хорошо. – Лорн даже не делала вид, что слушает. После нескольких попыток она нащупала руку и вложила в нее несколько ассигнаций. – Здесь двадцать эвот. Должно хватить на несколько недель. Очень надеюсь, что ты честный человек и потратишь деньги достойно.

– Да хранит вас Нетас, прекраснейшая госпожа! – В недрах лохмотьев появился оскал на удивление целых и белых зубов. – Молиться за вас стану, за доброту, за понимание.

– Понадобится помощь, всегда можешь обратиться в посольство Хроно, упомянув временщицу Лорн...

– Временщицу?.. – Человек, лезший секунду назад целовать руки благодетельнице, отшатнулся прочь, выронив ассигнации. – Что вы, госпожа. Не стоит беспокоиться обо мне. Не стоит... Я сам не смею вас больше беспокоить. Простите

меня. Простите. И прошу, не трогайте... – И отребье рвануло прочь, прихрамывая на правую ногу без ступни со скоростью, которой позавидовал бы любой здоровый человек. В воздухе застыли его последние слова: – Проклятое отродье Винара!

Городовым, отвечающим за парк, влетит по первое число за разгильдяйство! Что только подобные отбросы делают в Императорских садах, тут же народу почти нет, ничего не работает... Хорошо хоть, ненормальный не бросился на девушку!

– Мадемуазель Лорн, прошу прощения за сей нелицеприятный инцидент, – поспешил я к девушке, но вновь оказался бесполезен, Рейм уже помогал Лорн подняться. – Немедленно распоряжусь, и негодяя...

– Не стоит, господин Юрий. Это не ваша вина, вы меня отговаривали, да и не его – между нашими странами долгая история, не все могут приспособиться к нынешним реалиям. Однако, пожалуй, прогулку пора заканчивать.

– Дорогая, прием, на котором мы обещали быть, начнется через пару часов. Пора собираться!

– Да, и господину Юрию тоже необходимо время на подготовку! Надеюсь, вы не откажетесь поддержать нас в логове аристократии? Не оставите на растерзание? – Уголки губ леди обозначили извиняющуюся и одновременно просительную улыбку.

– Как я посмею? – выдохнул я облегченно.

– Господин Рейминар Рогозер и мадемуазель Лори. Его благородие Юрий Сломов! – громогласно объявил герольд.

Я невольно пошатнулся, ослепленный и оглушенный враз окружившим великолепием и роскошью: сотни электрических лампочек в десятках хрустальных люстр – зрелище не для слабонервных. Возникло чувство, что я попал в сказочный замок. Вот только ядреная смесь запаха пота и парфюма говорила о реальности происходящего.

Все же временщики – полные психи! Притащить меня на званый вечер не куда-нибудь, а к одному из самых знатных и богатых аристократов Агемо, шутка ли – глава конвента внешней торговли и экономический советник Императора! В зале находилось аристократии больше, чем я видел за всю жизнь! О количестве богемы и ученого люда лучше промолчать! Про состояние, что представляло присутствующее купечество, вовсе думать было страшно! Никогда не рассчитывал, что окажусь в месте из светской хроники.

– Вот и вы, друзья мои! – из толпы вынырнул мужчина с благородной сталью в волосах, запахом жасмина от элегантного костюма, задорными глазами в ореоле насмешливых морщинок и с тростью с рубиновым набалдашником. Не узнать хозяина дома было невозможно, если хоть изредка заглядываешь в газеты. – Госпожа Лорн, мое почтение, вы просто неотразимы! Невинная лилия в рассаднике ядовитых и колючих сорняков.

– Благодарю, ваше сиятельство. Вы умеете вогнать девушку в краску. – Когда граф поцеловал ручку, Лорн в самом деле покраснела, еще больше став похожей на цветок в изысканном сочетании естественной простоты и почти вызывающей строгости линий платья, не испорченного украшениями.

– Рейм! Повезло тебе, слов нет! – крепкое рукопожатие, не просто равных, но друзей. – Будь я лет на тридцать моложе, то пришлось бы нам сойтись на дуэли за сердце этой неотразимой леди... Хотя и сейчас не все потеряно, я вдовец и жених хоть куда!

– Что ж, ваше сиятельство, если вы, не думая о дочери, так стремитесь на тот свет, не смею отказать вам в чести! Позволить себе лишиться такой девушки, как она, я просто не могу!

– Вот не видел вас каких-то полдня, а уже соскучился! – радушно рассмеялся хозяин дома. – Кстати, представите вашего сопровождающего?

– Пространственник-транспортник Юрий Сломов, наш охранник и гид в Агемо. Тот, кто интеллектом пытается понять мораль, а сердцем – науку. Просто друг и хороший человек!

– Рейм, твоя характеристика, словно песня, ни о чем и обо всем! Что же, приятно видеть тебя под сенью моего дома, мой мальчик! Я граф Алекрий Витольдович. Как, возможно, охарактеризует меня Рейм: человек, который стремится

к цели, которой не существует, – справедливому обществу.

– Ваше сиятельство, вы очень самокритичны. Стремиться к идеалу могут либо гении, либо безумцы. В любом случае путь ввысь при любой ошибке может обернуться падением в бездну, а если учесть бесконечность дороги... Очень надеюсь, общество, сотворенное вами, окажется справедливым к создателю.

Учтивый полупоклон позволил мне в очередной раз опра-
вить парадный мундир, в котором я чувствовал себя крайне
неуютно. Не стоило, наверное, так категорично отказывать-
ся от предложения Рейма поделиться гардеробом.

– Значит, говоришь, транспортник? Занимательно... –
Трость крутанулась в пальцах хозяина дома и гулко ударила
о пол. – Что же, в кои-то веки говорю с чистым сердцем: мой
дом – ваш дом! Пейте, ешьте, веселитесь – проводите время
с удовольствием!

Лорд вальяжно, словно слившись с тактами кружившей
в комнате мелодии, двинулся к следующей группе прибыв-
ших, одновременно оставаясь несгибаемым оплотом вели-
чия.

– Друг мой, доверяю тебе самую большую драгоценность –
прекраснейшую Лорн. Дорогая, надеюсь, ты не против, если
я прогуляюсь немного по залу?

– Что с тобой поделаешь? – Чуть уловимым движением
девушка отпустила партнера, и тот растворился в толпе. –
Господин Юрий, пройдемся?

– Мадемуазель Лорн, может, лучше танец? – Не веря собственной дерзости, я взял юную леди под руку. – Оказаться на званом приеме и не показать себя... не показать, чего стоят временщики, просто преступление. Для меня станет честью выступить вашим партнером!

– Предлагаете блеснуть в свете? – Лорн задумчиво качнула головой. – Что же, можно. Исключительно для поддержания реноме государства.

В следующий миг мы перешли с шага на балетные па, вливаясь в мягко волнующееся озеро танцующих.

– Мадемуазель Лорн, посмею заметить, вы с Реймом – восхитительная пара. Никогда не видел такого взаимопонимания, доверия и любви между людьми. Честно говоря, не подозревал, что подобное возможно.

– Взаимопонимание и доверие – возможно, но любовь... Господин Юрий, вы слишком мало нас знаете. Мы далеко не такие, какими кажемся на первый взгляд. Ах да! Позвольте мне принести извинения за Рейма, его речи очень сильно вас задели.

– Как вы это поняли?

– Голоса, господин Юрий! Люди стараются облагородить фасад – мимику, движение тела, но зачастую не замечают, как едва заметные интонации и даже выбор слов выдают скрытые чувства, намерения. Я защищена от многих отвлекающих факторов, потому в некоторых областях более наблюдательна. Говоря же о Рейме, берусь утверждать – его речи

не имели дурного умысла против вас или против кого-либо!

– Что вы, не стоит! Диспут вышел весьма занимательный. Хотя сентенции Рейма кажутся мне неоднозначными, однако досаду больше на себя – даже постфактум я не в состоянии их оспорить.

– Рейм большой любитель философских измышлений, ими он сортирует общество подле себя.

– Коль не секрет, кем я предстал по совокупности факторов?

– Вы? Скажем так, равных Рейму найти очень сложно, но они существуют, и лишь перед ними он может снять маску, пускай не сразу. Остальные свято уверены, что с первой секунды знают его истинное лицо.

Слова Лорн льстили, однако я предпочел не спешить радоваться – Рейм тот еще прохвост. Потому игра незакончена, собственно, она только начала разгораться, так же как и моя личная заинтересованность в вопросе.

Танец прекратился так же внезапно, как начался. Миг – и на нас с Лорн обрушился шквал аплодисментов, а я только сейчас понял, что в центре зала остались только мы. Никогда не любил внимание, теперь же оно стало опасным: отчетливо различались «наручный хронометр» и «временщица». В голосах, произносивших это, не было страха, зато имелось немало удивления и... презрения. Кроме того, вновь эти взгляды! Тысячи лет войн и ненависти не перекрыть полутора сотнями лет мира. Плевать, что новая война может

стать повторением Войны Вне Времени и стереть оба государства, если не планету в целом!

Следовало защитить девушку от возможных переживаний. Потому, поблагодарив зрителей вежливой улыбкой и поклоном, мы с Лорн волной откатились в толпу и поспешили прочь по анфиладам комнат. Но промелькнуло лишь несколько залов, как Лорн встрепенулась:

– Господин Юрий, прошу прощения, но с самого цепеплина я все время на ногах. Если вы не против, давайте остановимся. Считаю, там подходящее место, – кивок на группку кресел вокруг небольшого столика с фруктами. – К тому же Мефи проголодался, неплохо бы его попотчевать.

Зверек, совершенно непостижимым образом уже восседавший на плече девушки, подтверждающе тьякнул.

Осведомленность незрячей девушки удивления почти не вызвала, но вот место мне не понравилось. Три кресла уже занимали весьма миловидные девушки возраста Лорн, похожие, словно репродукции одной картины. Различить их можно было разве что по цвету платья да по родинкам: у одной – над правым глазом, у второй – у левого уголка рта, и третья вовсе не обладала родовой меткой. Они что-то с хихиканьем обсуждали. Рядом с ними находилась матрона в годах, даже сидя умудрявшаяся смотреть на окружающих сверху вниз. Как я и опасался, стоило приблизиться, разговоры стихли.

– Приятного вечера, госпожа. – Мой почтительный поклон вызвал лишь девичьи смешки. – Прошу прощения за

беспокойство, но, насколько вижу, в вашем ведении играет красками изысканный сад, в котором еще имеются места для новых цветов. Моя же спутница, мадемуазель Лори, – скромная лилия, как охарактеризовал ее хозяин этого прекрасного вечера, ищет пристанище для отдыха, и, как по мне, не существует места достойнее, нежели под вашим присмотром. Надеюсь, вы не откажете?

– Видела я на своем веку массу цветов. Многим помогала распусться, с сожалением наблюдала, как некоторые вянут. Также являлась свидетелем, как некоторые сорняки пытаются предстать цветами. Выглядят они обворожительно, пахнут умопомрачительно и на ощупь прекрасны, но вот суть... суть, желающая захватить и уничтожить чужеродное. Ее не подделать! – За время тирады матрона даже не соизволила взглянуть на меня, уперев взор в Лори.

– Такие ценители, как вы, нужны любому обществу, чтобы защищать невинные побеги, заботливо возвращать, помогать на пути становления. – Лорн перехватила нить диалога, и понимающая улыбка осветила присутствующих. – Но лишь истинный профессионал может не только понять, что перед ним находится, но и сумеет культивировать из отвергнутого другими сорняка то произведение искусства, коим станут восхищаться! Талант, разглядевший подобное, станет примером и запомнится в веках.

– Не каждому, пусть и самому прекрасному цветку, стоит давать дорогу в свет. Яд и шипы могут поразить неосторож-

ных и принести множество несчастий. Не говоря о том, что не все новое принимается обществом. Взрастивших подобное, действительно не забывают, но проклинаят в веках.

– Риск неизбежен для тех, кто хочет взрастить что-то новое. Тем более что сорняки, пусть и не попавшие в сад, но оставленные без присмотра вне его, рано или поздно захватывают все окрест. Тогда уже ни один ценитель прекрасного не сможет взглянуть на результат гениальной работы садовода.

– Тетушка, что за нудные разговоры! Пригласите уже бедняжку к нам. Не видите, она ужасно устала от ваших занудностей!

– Кроме того, здесь ужасно скучно, а это новый человек, с которым так хочется поговорить, – поддержала сестру другая. – И у нее такой милый зверек, непременно хочу такого же!

– Да! Да! Пусть обязательно расскажет о своем оригинальном браслетике, никогда не видела подобного! Так интересно! – протянула последняя, с родинкой у глаза, и троица дружно захихикала.

– Прискорбно, когда излишний уход делает цветы нежизнеспособными в диких условиях. Потому приходится добавлять что-то новое, дабы закалить побеги, – прикрыв глаза, покачала головой матрона. – Присаживайтесь, дорогая Лорн, вас всегда ждет место в нашей компании. Я виконтесса Кранская, тетушка этих распускающихся особ.

– Господин Юрий, вы не могли бы?.. – чуть различимо попросила Лорн, когда я помогал ей устроиться.

Оставалось лишь кивнуть и, более не мешая юной леди, устранившись прочь с вежливым поклоном, вызвавшим новый приступ смешков. Все же Лорн и Рейм стоят друг друга и очень непросты. Не зря для поддержания баланса на десять тысяч пространственников приходится пятьсот временщиков.

Скользя среди общества фоновым персонажем, я исполнял свои прямые обязанности – оберегал временщиков. А именно: следовал совету Лорн – слушал, ибо гомон толпы – уникальный источник информации, главное – уметь вычленивать нужное. Например, в фуршетном зале я узнал, что прием удостоил визитом сам посол. При этом он был здесь инкогнито.

В одном из залов выступали чувствующие с шоу иллюзий. Должен отметить, выступали весьма зрелищно! Пускай мерность пространства незначительно колебалась рядом с привычной трехмерностью, становясь нецелочисленной, так же как и время, но возникавшие оптические и звуковые эффекты использовались виртуозно. Из воздуха со щебетом появлялись райские птицы Южных островов, разлетаясь, они изменялись в причудливых рыб Бескрайнего океана, ныряющих в толпу зрителей и превращающихся в экзотических животных Мраморных лесов и далее... стоило отдать должное профессионализму.

Так вот, там краем уха я услышал, что хозяин вечера, после возвращения от Императора, сильно не в духе, даже поругался с дочкой.

В игровой комнате на глаза мне попался Рейм. Молодой человек в компании Юрдина Ленского и трех представительных джентльменов играл в карты, что-то бурно обсуждая. Потому я не сразу поверил глазам, когда понял, что параллельно временщик вел еще одну беседу на языке жестов и символов. Расшифровать сказанное, не зная, кто адресат и где находится, не представлялось возможным, а гостей – несколько десятков. Хотя еще со времен Университета это считалось языком влюбленных, а с учетом того, что Лорн...

Я поспешил дальше, чтобы не плодить сущности и мысли без основания. По сути, это являлось не моей проблемой, пока все в рамках приличий. Может, он просто в карты мухлевал? Однако я ловил себя на мысли, что поражался и даже завидовал Рейму, вернее, его способности буквально со всеми находить общий язык и всем нравиться! Наверно, попади он к призракам Аномальных пустошей, и с ними бы нашел о чем поговорить.

Тем не менее случившееся отвлекло меня настолько, что при входе в следующую комнату я совершенно не заметил официанта с подносом, уставленным бокалами. Звон разбитого стекла и витиеватые выражения, из-за пролившегося на костюм вина, совпали.

– Будь ты проклят! Совсем не видишь, куда прешь? По-

смотри, что ты натворил! Кто тебя только в приличное общество пустил? – взбеленился пострадавший на официанта с мутно-отстраненным взглядом.

– Господин хороший, прошу, успокойтесь. Официант не виноват. Это я его задел и приношу глубочайшие извинения за данный инцидент...

– Приносишь извинения?! – взорвался собеседник, переключаясь на меня. – Хотя, что от тебя ожидать! Такой костюм испоганил, он же стоит... Стоит... Больше, чем твоя дурная башка! Вот ведь свалился на мою голову!

Я внимательно осмотрел наглеца. Мальчишка, по виду, к сегодняшнему приему первый раз в жизни побрился. Фрак чуть ли не старше самого паренька, при этом кричаще шикарный, на пальцах перстни, один вовсе из Мраморного дерева – состоятельность и непроходимая провинциальность. Рука стискивает эфес шпаги, значит, аристократ.

– Чего глазами хлопаешь, остолоп! Пошел вон, шваль, пока я тебя прям здесь не прибил! И вспоминай о моей доброте!

– Серьезно? Благодарю! Хотя... постой-ка! Позвольте, господин хороший, теперь уже я требую извинений. – Я готов стерпеть многое, как-никак на службе, и конфликты мне ни к чему. Вот только прямое оскорбление – оскорбление не только мне, но и всем пространственникам, тем более что за конфликтом уже наблюдает немало народу.

– Что?! Совсем обнаглел, безмозглый вояка? Места своего

не знаешь, недоносок? Да я тебя...

– Дорогой друг, что происходит? – Из-за спин вынырнула девушка и поспешила к парню.

Всегда знал, что ошибки могут преследовать человека, но никогда не думал, что это настолько волнительно... Девушка, пускай без шляпки, но в вечернем платье, одним присутствием всколыхнула душу уже не легким ветерком, но штормовым шквалом, а разум поплыл, на несколько мгновений выпав из реальности.

– Из-за неуклюжести этой пародии на человека вино, предназначенное нам, теперь безнадежно испортило мой фрак. После он отказался извиняться и, более того, обхамил меня, представителя древнего аристократического рода, а теперь еще требует извинений неизвестно за что! До чего докатилось общество...

– Господин хороший, повторюсь: принесите извинения за ваше поведение и высказывания, как я приношу за свою невольную неловкость, иначе согласно законам чести мне придется требовать удовлетворения, при свидетельстве присутствующих, – палец за пальцем я принялся снимать перчатку.

– Дорогой друг, что же вы! Не стоит злить господина странственника! – От звуков ее голоса по спине пробежали мурашки. – Уверена, ваш спор – сущий пустяк, а дуэль лишь испортит прекрасный вечер! Кроме того, неужто вы откажетесь от танца со мной из-за глупого пятна и никому не нуж-

ной ссоры? Прошу, просто извинись, ради меня, уже звучат первые аккорды нашего танца. – Чуть заметное касание пальцев, и пыл мальчишки перешел в другую плоскость.

– Если позволите, я сама...

– Не стоит, Аления, – гордо выпятил грудь парнишка.

– Так вот как ее зовут! – узнал я.

Франт при этом надменно продолжал:

– Это я погорячился! Мне стоит извиняться за попытку говорить с другими как с равными. Оказался слишком старомоден!

– Тогда приятного вечера. – Я, нехотя, натянул улыбку пошире. Стоило принять хотя бы такую возможность решить конфликт мирно.

Пара поспешно удалилась. Меня же пригвоздил к месту взгляд девушки, который она бросила на меня, прежде чем скрыться. Готов поклясться, этот взгляд более всего являлся задумчивым...

По галерее залов, отражаясь и усиливаясь, разнесся истеричный женский крик.

Первая мысль была о Лори. Я сорвался с места. Комнаты, где я гулял полчаса, превратились в калейдоскоп. Пусть револьвер пришлось отдать на входе, но какой смысл в пространственном кармане, если, помимо прочего, там нет запасного оружия? Ствол появился в рукаве. В правой руке кинжал – как пространственник имею право. Нужная ком-

ната вынырнула неожиданно, и... сердце тяжело ухнуло во тьму – Лорн на месте не оказалось.

Прикосновение. Сработали рефлексy – взять в захват напавшего. Лишь в середине приема я осознал, что рука мне больше не подчиняется. Попытался вывернуться и одновременно ударить кинжалом. Вновь неудача, только затрещала ткань формы. Спустя удар сердца я, тихо охнув, стоял, согнувшись с заломленной рукой.

– Друг мой, не стоит нервничать! Это всего лишь я. – Насмешливый голос Рейма заставил застыть. – И прошу, аккуратнее, ты чуть не сбил Лорн!

– Но что? Почему вы? Как вообще... Ведь я же... – Я обмяк, покоряясь. – Прошу прощения, впредь стану внимательнее! Но более не провоцируйте, я мог и выстрелить... – Продемонстрировал револьвер, упирившийся в живот Рейма. – Рад, что с вами все в порядке.

– С нами да, но с кем-то явно проблемы. – Временщик выпустил меня и протянул оружие. – Ты же пространственник, и твоя прямая обязанность находиться в эпицентре событий.

– В первую очередь, моя обязанность – позаботиться о вас. Тащить же вас на место происшествия – не то, чем радуют гостей. Не говоря о том, насколько это может оказаться небезопасно.

– Мы настаиваем, ведь понимаем – долг превыше всего, – поддержала напарника Лорн, и даже Мефи что-то твякнул с плеча. – Постараемся вас не отвлекать и будем держаться

рядом, раз на сегодня мы – ваше задание.

– Что же, благодарю, – изобразил я улыбку.

Найти источник беспокойства не составило труда – следовало идти за вездесущей толпой, а потом в самый центр, где особо бурно пытались понять: «Что же случилось?» Уже у финиша нас встретила преграда – плечистый молодец, подобно безмолвному валуну, преграждавший проход в одну из боковых комнат третьего этажа. Но подобное не превратилось в проблему, достаточно оказалось обратить внимание на серьгу пространственника и наручные хронометры временщиков.

Стоило же нам проскользнуть внутрь помещения, как от увиденного я не сдержал крепкого словца. В центре комнаты, на двуспальной кровати, лежало почти идеальное тело – шарообразное. Кроме тучных форм, у тела оказались весьма примечательными подштанники – единственная одежда, ну, и белая пена, сочившаяся изо рта и носа на шелковые простыни. Одеяние обнаружилось рядом на стуле, сложенное неуместно правильно, так что было различаемо автоматическое перо в нагрудном кармане костюма.

Над телом склонился долговязый мужчина с сухим, совершенно бесстрастным лицом и большими залысинами. Он сосредоточенно массировал грудь лежащего длинными, тонкими пальцами. Кроме него, у кровати находились двое смутно знакомых пространственников из отдела Карай и, конечно, хозяин вечера... Да! Еще леди в неглиже, на первый взгляд,

вдвое, если не втрое младше пострадавшего тела. Она плакала, тихо подвывая и пытаясь спрятаться за столик с фруктами, вином и граммофоном, но не особо удачно – под ослепительно сияющей хрустальной люстрой.

– Вот и официальные представители Хроно! Вы быстрее, нежели ожидалось, мы отправили людей в посольство всего несколько минут назад!

У говорившего – золотая серьга. Плюс от взгляда, который бросил пространственник на молодого коллегу, поправляя серебряную оправу очков, даже у меня по спине прошли мурашки. Тот же явственно побледнел, отчего веснушчатое лицо словно поразила россыпь дробы.

– Это господин Рейм и госпожа Лорн – охрана посла до прибытия в Империю. Также сопровождающий – пространственник Юрий Сломов. А это глава охраны посла в Империи – пространственник Текарий Павлов с практикантом, – поспешил представить присутствующих граф, выбивая пальцами по трости замысловатый ритм. – Я пригласил временщиков развеяться... не предполагал, что им придется выступать в роли свидетелей.

– И нам хотелось бы знать, свидетелями чего мы являемся! – выступил вперед Рейм.

– Смерти посла, господин Рейм! – подтверждая мои самые темные подозрения, констатировал долговязый господин, поднимаясь.

– Какова причина смерти, доктор Лембер? Возможно,

что-то естественное? Инфаркт или...

– Отравление – без сомнений, ваше сиятельство. Могу доподлинно определить отек легких, отказ печени, селезенки и почек. Имеются кое-какие странности, вроде запаха цитрусовых изо рта покойного, и кое-что еще под сомнением – доподлинно установит судмедэксперт. Однако увиденного достаточно, чтобы вынести предварительное заключение – отравление рицином.

Лорн сдавленно охнула. Даже отшатнулась, невольно ухватившись за мою руку.

– Отравление? Как давно?

– После отравления рицином смерть наступает в диапазоне от суток до двух. Так что, как ни жаль, господин Рейм, произошло это под вашим присмотром, и должен признать, из-за моей халатности... я просмотрел симптомы отравления! Между прочим, господин посол перед самым прибытием обращался ко мне, жалуясь на затрудненное дыхание, диарею и повышенную температуру. Но я принял это за обычную простуду и легкое переедание!

– Вас никто ни в чем не обвиняет, доктор Лембер! Просто говорите все, что вам известно или что можете предположить.

– Конечно, конечно... – Доктор сложил руки в замок и еще раз внимательно осмотрел погибшего. – Кто бы это ни сделал, он великолепно рассчитал дозировку или что-то подмешал к яду, чтобы симптомы оказались не столь очевидны.

Яд мог попасть в организм как с пищей, так и по воздуху. Хотя... те же симптомы возможны при внутривенном укалывании, на руке я заметил две странные ранки...

– Отлично! Если правильно помню, рицин – вещество, остающееся после переработки клещевины?

Под испытующим взглядом Рейма доктор кивнул.

– Значит, дело раскроем еще до полуночи! Для начала необходимо успокоить гостей и убедить, что все в порядке, вечер должен продолжаться – это на вас, ваше сиятельство. Затем незаметно перекрыть выходы, чтобы убийца ничего не заподозрил и не выскользнул...

– Пойдите, с чего вы, господин временщик, вдруг распрягаетесь? – выгнул бровь Текарий. – Территория Империи вне вашей юрисдикции!

– Возможно, потому, что погибший представитель Хроно – человек вне вашей юрисдикции, – изобразил сардоническую усмешку Рейм. – Более того, он являлся моим подопечным в момент отравления. Потому мне нести ответственность за случившееся, так же как и вести расследование.

– Однако смерть наступила, когда он находился под нашей охраной! Потому, будьте так добры, сидите тихо, иначе я попрошу своих людей вывести вас...

– Господин Юрий. – Шепот и касание Лорн привлекли внимание. – Прошу, помогите Рейму. Мы не можем отдать расследование! Это очень важно!

И она посмотрела мне в глаза! Святой Витольд... лишь

белый обрез ткани – нечем смотреть, более того, она физически не могла знать, где находятся мои глаза! Тем не менее это оказался самый пронзительный взгляд за всю мою жизнь. Он перетряхнул самую душу, и я понял, что значит, когда бездна смотрит на тебя.

– Коллеги, думаю, спор бесполезен, – услышал я собственный голос и невольно похолодел от обращенного на себя внимания, но отступить поздно. – В данном случае стоит руководствоваться не местными законами, а «Конвенцией о сотрудничестве» от 3761 года, где расписаны условия дипломатических сношений. Там четко сказано, что расследование смерти представителя иностранного государства происходит при участии представителей обеих сторон. Нам ведь не нужен дипломатический скандал?

Тишина. Ситуация выглядела словно встреча одинокой лисицы и стаи волков над тушей околешего оленя. Вроде территория стаи, но... волки сыты, да и дела у них, а лисица голодна. Причем если минуту назад казалось очевидным, кто является тушей, то после моих слов вектор интересов выглядел не таким устойчивым.

– Что же... тогда пусть господин временщик пояснит, с чего решил, что убийца находится на вечере? – с явной неохотой отозвался Текарий.

– Насколько известно, – ответил Рейм, – граф Алекрий Витольдович пригласил на вечер всех летевших в первом классе, и они пришли – сам видел. Убийцей же является кто-

то из них – за последние двое суток к нашему подопечно-му приближались и оставались с ним без наблюдения только они. С прислугой контактировали лишь мы с Лорн.

– Каким же способом вы собираетесь так скоро найти убийцу? Он, похоже, не дурак, раз сумел под вашим пристальным взглядом отравить посла.

– Элементарно! – У Рейма, похоже, имелся иммунитет к любым попыткам его задеть. – Сегодня, благодаря Тербию Вронскому, нам повезло попасть на лекцию «Ультрафиолетовое излучение – новое слово в криминалистике!», проходившую на Технической выставке. Там, в числе прочего, демонстрировалось, как с помощью ультрафиолетовой лампы обнаруживать остатки органических веществ, пусть и давно удаленных, тщательно отмытых. Причем, в зависимости от химического состава, вещество светится по-своему в излучении данной лампы.

– Да, да... я слышал о таком, мэтр! – восторгнулся помощник Текария. – Говорят, очень перспективно! Наш отдел заказал несколько таких ламп... – Парень сдулся, стоило Текарию тяжело вздохнуть.

– Так вот, стоит просканировать данной лампой комнаты тех, кто летел первым классом, и мы без труда определим, кто использовал яд! Только до этого времени никто не должен знать о происходящем, как-никак все, кто там находился, – уважаемые люди, никому не нужен скандал. А коль инцидент разрешится быстро, то данная ситуация... не оставит

пятна ни на репутации посла, ни на имени дома многоуважаемого графа!

– Ваша идея понятна. Однако вам понадобится помощь...

– Граф Алекрий Витольдович! Граф! Мне нужен его светлость... – Дверь распахнулась, и в комнату ворвалась мадемуазель Аления. – Отец, что происходит? Почему меня не пускают? Опять пытаешься сосватать меня... Ох! Какой ужас... – Пыл девушки иссяк, стоило ей увидеть мертвеца.

Прежде чем дверь вновь захлопнулась, я заметил, как провинциальный хам отлетает прочь, не справившись с амбалом охранником, коего удерживал в момент прорыва юной девы. Все же есть в мире справедливость!

– Дорогая! Что ты делаешь! Сколько просить не врываться ко мне! – Лорд в мгновение ока оказался рядом с начавшей терять сознание девушкой и, обняв, закрыл вид на ужасающее зрелище. – Милая, ну что ты, что... Пошли отсюда!

– Граф, если не сложно, проводите и доктора. Пусть поможет юной леди и тоже поправит нервы, благо напитки у вас славные. Только не забывайте, о чем мы говорили, – тихо, но четко заметил Рейм и, лишь дождавшись ответного кивка, улыбкой позволил троице покинуть комнату. Затем взгляд временщика вновь скрестился со взглядом Текария. – Прошу прощения, не поясните ли, что вы имели в виду под помощью?

– Раз мы работаем вместе, то я просто не могу отправить вас одного! – Текарий вернул сардоническую усмеш-

ку. – Мой практикант Ундерк сопровождает вас и поможет. Тем временем ваша спутница, мадемуазель Лорн, если не ошибаюсь, останется с нами и проследит, чтобы здесь все прошло хорошо. Надеюсь, вы не станете возражать, что метод экспериментальный, потому что необходимо, чтобы кто-нибудь работал более стандартно: допрос свидетелей, сбор улик и так далее. Думаю, госпоже Лорн здесь будет спокойнее.

– Должен вас расстроить, но подобное невозможно! Господин Рейм и мадемуазель Лорн вверены моему присмотру его превосходительством Людером Рикманом. Потому, если у вас нет иного, письменного указания, я сопровожу господ временщиков на Техническую выставку, а после к «Рассветному Бризу»... Да и не могу я оставить мадемуазель Лорн, а вы, полагаю, достаточно профессиональны, чтобы провести все процедуры. Хотя если у вас настолько не хватает людей, то вашему практиканту лучше остаться... тем более, насколько помню, Устав не позволяет отпускать практиканта от куратора во время работы, – только закончив, я понял, что вляпался. Очень серьезно и очень неприятно!

– Что же, похвальная инициативность... Светоч. – Я вздрогнул. Он меня узнал. Более того, насмеялся. – Обязательно ее запомню и доложу его превосходительству.

– Вот и хорошо, что договорились! – Выдержать взгляд Текария удалось с трудом. Уходить, так достойно. – Теперь прошу нас простить, стоит поспешить, до полуночи всего пара часов.

За окном мелькали газовые фонари, и каждый – барьер, отделяющий меня от... честно говоря, до сих пор не понял, что осталось позади – хорошее или плохое, да и что ждет впереди? Однако уверен – изменения, о которых я мечтал, меня настигли.

– Друг мой, благодарю. Помощь и участие, оказанное тобой в особняке для нас с Лорн, очень важны! Мы пред тобой в долгу! Рад, что наш спор на Технической выставке пошел впрок!

– С чего вдруг? – Я скользнул взглядом по зеркальной поверхности окна, со щемящим чувством наблюдая, как Рейм обнимает Лорн на втором ряду сидений.

– «Конвенция о сотрудничестве» от 3761 года – документ о дипломатических сношениях и разрешении конфликтов... вот только он подписан Империей и Свободным городом. Между Империей и Хроно до сих пор нет документа, четко регулирующего подобного рода отношения!

– Так я не утверждал, что «Конвенция о сотрудничестве» относится к нашим странам. Просто предложил использовать... а кто и что подумал, на меня не сваливайте. Хотя должен признать, из сегодняшнего диспута я вынес урок: если ложь – искусство, то умение говорить правду – вершина мастерства. Вы с мадемуазель Лорн достаточно овладели умением играть словами, чтобы в конфликте у меня возникло желание осадить Текария... Правда, на миг мне показалось,

что вы затеяли спор, чтобы сбежать.

– Сбежать? – Лицо Рейма впервые за наше знакомство по-мрачнело. – Друг мой, это то небольшое, что не может позволить себе ни один временщик.

– Почему же? В вашем распоряжении весь мир, да еще и время!

– Потому что, становясь временщиком, отдаешь Властителю самое ценное, что имеешь!

– Жизнь? – саркастически скривился я.

– Если бы... Прошное, – вкрадчиво молвила Лорн, и я почувствовал неуместность ехидства. – Попытки бежать в любом из четырех измерений тщетны – всегда найдется тот, кто сильнее, в крайнем случае, тот же Властитель. Любое слушание, и нас ждет наказание если не в настоящем, то в прошлом. Но кое в чем ты прав – мы пытаемся спастись! Нас пытаются подставить, не очень умело...

– Стоп! Спасти? Подставить? С этого места подробнее.

– Отравление, друг мой, его хотят повесить на нас! Доктор Лембер, конечно, прекрасный специалист, как-никак глава госпиталя, у которого наблюдаются многие аристократы. Однако посредственно разбирается в ядах: определенное им, как рицин, в сочетании с цитрусовым запахом изо рта и менее заметными симптомами... Если без науки, то яд, которым отравили посла, – такой же, как у Мефи.

Теперь ясно, на что намекают те две ранки и почему временщики спешат: прибудет судмедэксперт, он определит яд

без труда, и парочка станет главными подозреваемыми. Вымысел же про «ультрафиолетовую лампу» и бравада про поимку до полуночи – время, пока информация дойдет до посольства Хроно и пока бюрократы выдадут разрешение на действие в пределах Агемо. За отведенный срок необходимо вычислить преступника.

Откуда у ласки вообще яд? Хотя да, она же из Мраморных лесов... Чего только не водится у Последних! Я выдохнул – протяжно, сквозь зубы.

– Но вы же являлись его охраной! Полный бред. Не говоря о том, что стоит вам... или другим временщикам использовать способности, как станет очевидно, кто преступник!

– Истинно так, друг мой. Только если расследованием займутся другие – это признание нашей профнепригодности. В лучшем случае пятно на репутации... хотя, скорее – нас отошлют обратно в Хроно. Мы же прибыли не столько в качестве охраны, сколько по программе обмена опытом: помогать пространственникам в особо сложных делах. Это так занимательно...

– Относительно способностей – без предварительного расследования применение невозможно, – перехватила слово Лорн. – Если забыть о кристаллах блокировки, то подобное, мягко говоря, непрофессионально: большая затрата сил, да и преступника можно спугнуть. То же самое, если бы ты использовал силы пространственника, прыгая, не зная точных координат!

– Тогда, позвольте узнать, куда мне ехать и каков план?

– Вообще-то, друг мой, сейчас необходимо остановиться и план придумать...

Наверно, я должен был быть в бешенстве или хотя бы сильно разозлен. Вместо этого почувствовал облегчение – никто не идеален, проблемы других еще более насущны, нежели мои.

Автомашину тряхнуло – въехали на очередной мост. Значит, остров Аристократии остался позади, дальше Административный остров. Никогда не любил эту часть города. Не только потому, что там находились все присутственные места и храм пространства – место моей работы. Днем один из самых оживленных и красивых островов, сравнимый только с Императорским дворцом. Место, где в камне воплотились самые смелые и грандиозные архитектурные идеи за последние сто лет. Однако ночью район пугал: люди уходили, и опустевшие здания словно лишались жизни – мертвецы с черными провалами огромных окон, морщинами и скрюченными членами архитектурных изысков, саванами ажурных садов и погребальными свечами газовых фонарей. Хотя сейчас это именно то, что требовалось. На улице всего пара припозднившихся клерков, транспорта вовсе не видно. Найти укромное место не составило труда.

– Хотя бы какие-нибудь мысли имеются? – обернулся я к временщикам. – В первом классе находилось девять человек, что, сложно дедуктивным методом вычислить убийцу?

У кого имелся мотив? У кого мог найтись яд? Кто знал, как вас подставить? Начнем с его светлости Алекрия Витольдовича.

– Друг мой, ты еще спрашиваешь? – Глаза Рейма явственно округлились. – Ты, вообще, знаешь цель прибытия посла в Империю?

– Подписание очередного сверхважного международного договора?

– Друг мой, как так можно не интересоваться жизнью страны! Ты как-никак представитель власти... Посол и Император через неделю, в праздник окончания Войны Вне Времени собираются заключить торговое соглашение, по которому на порядок снижается пошлина на ввоз в Империю продовольственных товаров Хроно!

Следующие десять минут мне проводили политэкономический ликбез. Из которого следовало, что граф – ярый противник соглашения, ибо считает, что большое количество дешевого товара не даст развиваться местному сельскому хозяйству. Совместный полет посла и Алекрия Витольдовича не случайность – последний желал говорить и найти компромисс до прибытия в Агемо.

В дополнение выяснилось, что, по тому же соглашению, в разы упадет спрос на железнодорожный транспорт, так как актуальнее становятся доставки по Торговому проливу. А в чьем владении железные дороги к юго-западу от Агемо? Правильно, Торгового дома Ленских! Их присутствие на

цеппелине преследовало целью выторговать преференции, чтобы в Империи железные дороги участвовали в распространении грузов.

– То есть имеются политический и экономический мотивы? – протянул я, подводя итог. – Всегда считал подобные убийства более... просчитанными, что ли?

– Верно, друг мой! Данное отравление иначе как спонтанным не назовешь – все, кто хотя бы слышал про временщиков, используют яды сроком действия не меньше недели. Кроме того, граф – человек разумный, не стал бы марать руки, а Ленские... сам видел – торгаши, способные сражаться словом, интригой, но пустить кровь духа не хватит.

– Понятно. Что скажете об инженере Тербие Вронском и докторе Лембере? Если правильно помню, рицин лишь производное вещество при изготовлении касторового масла, применяемого в технике – может, инженер реагенты вез и нахимичил? У доктора же просто обязан иметься чемоданчик с медикаментами, в том числе ядами и противоядиями! Вполне мог что-нибудь намешать, чтобы симптомы совпадали.

– Доктор? Маловероятно... Тогда почему сразу не указал на нас? Не захотел выдавать себя излишней осведомленностью? Скорее, поверю, что кто-то выкрал яд. И какой мотив? Милейший человек прибыл в Агемо на новое место службы, устраивается, прежде чем перевозить семью. С послом почти не общался, лишь несколько раз помог при переедании. Вот

Тербий... у них с послом в первый же день вышел конфликт: посол довольно радикально высказался об изобретениях инженера, чуть до драки не дошло.

– Ну вот! Плюс психическое заболевание – это не шутка.

– Проблема в том, что инженер – наш вторичный объект охраны, все-таки не последний человек для Хроно, – остудила пыл нежным голосом Лорн. – Можем сказать наверняка: в течение последних двух суток более чем на пару минут они с послом не встречались и тем более не оставались наедине. Кроме того, сомнительно, что он знал о яде ласки фером... но и знай, скорее бы с отверткой кинулся.

Небо в просвете зданий вспыхнуло алым. Стекла в домах зазвенели от мощного гула. Автомашину слегка качнуло. Несколько манипуляций, и простор. Небо превратилось в полотно, куда выплеснули алую и черную краски, чтобы понаблюдать, как они смешиваются в ореоле безмолвия.

– О! Вот и экспромт сработал! Честно, не рассчитывал!

– Это в доме графа? Взрыв? Пожар? Рейм, что ты натворил?

– Я? Винар упаси, друг мой! Просто нам удалось спровоцировать преступника. Похоже, в комнате оказалось достаточно народу, чтобы кто-то не удержал язык за зубами. Высокое общество такое неизменное. Двадцать минут, и не только преступник, но и все гости осведомлены о нашем плане. Повезло, что предложенный мной план оказался достаточно реалистичным, чтобы заставить паниковать злодея, спешить

и делать глупости – устроить побег... довольно фееричный, признаю.

– Что же теперь? Нужно поспешить, помочь...

– Юрий, успокойся! Там есть кому помочь, тот же Текарий со своими людьми! Да и кроме них... – Из-за крыши здания с тихим шелестом винтов выплыл дирижабль городских и устремился к месту происшествия. – Мы же направляемся на «Рассветный Бриз». Убийца спешит туда, чтобы уничтожить возможные улики. Это нам на руку – появляется возможность очистить свое имя!

– Пусть так. – Из котла со свистом вырвалась белая струйка пара, ознаменуя нормализацию давления, как в автомашине, так и в разговоре. – В пути расскажите о последнем попутчике... кстати, кто он?

– Ты его видел, друг мой, – хохотнул Рейм. – Повеса, что пытался произвести впечатление на госпожу Алению, помогая ей проникнуть в комнату. Господин Ефим Терног – аристократ, а значит, какой-никакой чувствующий. Крайне обеспечен. Пытался ухаживать за Лори, но быстро понял, что, бегая за служанками, останется и здоровее, и счастливее. Прибыл в Агемо для кутежа и наслаждения всеми прелестями, которые может дать большой город: вино, игры, женщины... Вернее, я хотел сказать, для учебы в один из здешних вузов.

– Даже так? – Потребовалось усилие, чтобы подавить ухмылку. – А относительно дела?

– Общение с послем только по работе. Заметил у него деревянный перстень? Символ того, что он работает внештатным писакой, ни много ни мало в «Вестнике Агемо», потому его и пустили на дирижабль. Единственное, что против него, кроме потакания страстям, – он наверняка знает о ласке фером и ее возможностях, ибо его родовые земли у самых гор Малого Забвения, а сам он – заядлый охотник, в его земли забегала дичь от Последних. Но с тем же успехом он мог рассказать кому-нибудь об особенностях питомца Лорн. Так что, как видишь, любой...

Прошло полчаса. Жилые острова остались позади. Вокруг оказалось огромное поле – посадочная площадка дирижаблей, пустая. Ориентир – башня с курантами, венчающая здание авиапорта по левую сторону. Судя по ним, было без десяти час до полуночи. По моим подсчетам, через пару-тройку минут доберемся до ангара. Уже видны отсветы из приоткрытых ворот – не думал, что техники проводят техобслуживание цеппелина так поздно. Я гнал. Гнал, что есть силы, – триста метров в минуту, аж дух захватывает! Красота... Свобода. Спокойствие!

Звяк! Над ангарами сверкнуло и приглушенно грохотнуло. Гроза? Вроде не сезон? Звяк. Дзынь. По центру лобового стекла образовалось белое пятнышко. Дзынь. Дзынь. Появилось несколько пятнышек напротив моей головы. Дзынь. Звяк. Дзынь. Звяк. Дзынь... Вспышки и в небе, и на земле.

Град пуль забарабанил по корпусу. Стекло начала затягивать еще робкая, но быстро растущая паутина. Я резко крутанул руль – в поле мы великолепная мишень. Даже служебной технике, бронированной по последнему слову, долго не продержаться под обстрелом.

– Друг мой, нельзя отступать! – Рука Рейма легла на плечо. – Нам необходимо на цеппелин!

– Это самоубийство!

– Если действовать в лоб! Но у тебя есть силы! Телепортируй нас!

Я тихо застонал. Сейчас совсем не место и не время было объяснять временщикам, что пространственники владеют не способностью телепортации, а пространственным Пробоем! Это кардинально разное! Не умеем мы расщеплять предметы на атомы в одном месте и собирать в другом, зато способны создавать дыры в пространстве... своеобразные туннели, через которые можно перемещаться на невообразимые расстояния. Имеется лишь одно ограничение: необходимо пройти сквозь туннель! Внутри движущегося транспорта сделать подобное, мягко говоря, невозможно! Перемещать же весь механизм...

Додумать я не успел, ибо в барабанном ритме пуль различил свист.

– Вон из машины! Немедленно!

Единственное, что я успел, – вывернуть руль так, чтобы автомашина вновь повернула к ангарам. Затем вывалился из

самоходной тележки. Гравийная подстилка встретила жестко и оказалась щедра на болезненные неровности. Однако пока катился, удалось заметить, как из задних дверей, с интервалом в пару секунд, вылетели двое.

Технику буквально разметало... Рефлекторно я вскинул Барьер жизни – многомерный щит на расстоянии вытянутой руки, пройдя сквозь который любой объект распадался на элементарные частицы. При этом я видел, со всей отчетливостью видел, как за миг до взрыва не обладающий ничем подобным Рейм, не колеблясь, в отчаянном рывке накрыл Лорн собственным телом, всего в десятке метров от эпицентра!

Я вскочил. Покачнулся. Как ни группировался, но форма превратилась в лохмотья, а тело саднило нещадно. Не обращая внимания, рванул к временщикам. Обстрел стих. Враг не видел, что мы до сих пор живы, – нас накрыло плотное паровое облако, – хоть какая-то польза от взрыва котла под большим давлением.

– Хватайтесь за меня! – рухнул я рядом с временщиками. – Я нас вытащу!

Сам вцепился в подранную, влажную и липкую от пара одежду. Напряг силы пространственника. По спине прошла волна мурашек... ничего!

– Товарищи, кристаллы! – почти прорычал я.

Импульс боли прошел от уха в центр мозга. Видимая только мне волна искривила пространство. Закинул в искаже-

ние временщиков, после запрыгнул сам. Перемещение оказалось, как всегда, мгновенным. Наша троица возникла у массивных дверей авиапорта, ведущих к Агемо. Осмотр оказался неутешительным – ни одного извозчика, вообще ни единой живой души...

– Вы в порядке? – Вскинул руку, вытереть пот. – А то такое...

Осекся. Рука была изгваздана кровью и чем-то... желеобразным? Обернулся к временщикам. Рейм... Кусок мяса, обваренный до насыщенного алого цвета, с десятком произвольно торчащих медных фрагментов, плоть вокруг которых обуглилась, и черепом... его почти не осталось, один из осколков напрочь снес затылок, разметав куски мозга по одежде. О запахе и говорить не приходилось. Желудок жалобно сжался. Если до этого мне грозило увольнение, то теперь точно убьют.

– Он сделал свое дело. – Лорн, рядом стоя на коленях, отточенным движением перевернула тело на спину. – Остальное за нами. Необходимо закончить – поймать преступника. Вы поможете, господин Юрий? – Девушка нежно закрыла напарнику глаза и подняла на меня лицо.

Какими бы весомыми ни являлись аргументы невозможности подобных действий, они умерли в этот момент. Эта девушка, она слишком... слишком... слишком! Судорожно сглотнув, я выдавил:

– Мадемуазель Лорн, не высовывайтесь! Отсюда до анга-

ров не меньше километра, вас не должны заметить. Но на всякий случай... – Револьвер переключал к девушке. – Приказываю! Хотя нет... Прошу: не подвергайте себя опасности. А теперь пожелайте удачи!

Поднимаясь, я схватил с земли россыпь камней. Напряжения и вновь почувствовал острие боли. Шаг в колеблющееся пространство, и я стою на крыше ангара, со стороны которого велся обстрел. В свете многочисленных Глаз ночи, с любопытством взирающих с небосклона, осмотрел противостоящие силы. Как и подозревал – всадники на пегасах. Восьмерка. Хотя бы отпадает вопрос: как нас смогли опередить? Двое на краю крыши со вскинутыми винтовками. Смотрят в сторону, где еще дымят останки самоходной тележки. Сколько внизу и в ангаре – неизвестно... Правда, главный вопрос: откуда встречающие, если, по расчетам, убийца должен работать один?

Я рванул с места что есть духу. Усилие воли, импульс боли и камушки, зажатые в ладонях, схлопнулись, превратившись в Одномерные шипы. Взмах правой рукой – голова стоящего на краю крыши взорвалась.левой – второму бандиту разворотило грудину. Оба осели беззвучно. Одномерный шип – страшное оружие, почти невозможно защититься от предмета, не имеющего ни ширины, ни толщины, пронзающего все на своем пути, а при достижении цели вновь обретающего трехмерность.

Подскочил к наименее изгвазданному внутренностями те-

лу и схватил винтовку. Однозарядный карабин, убитый почти до непригодности, но с оптикой. Передернул затвор. Вскинул карабин к плечу. Поймал в прицел всадника. Выдох. Плавный выжим спуска. Хлопок. Оружие дернуло. В лицо дохнуло пороховыми газами. Пуля угодила всаднику в плечо. Однако удар все равно выбил его из седла, и он, дико матерясь и махая конечностями, повис на стремях. Пегас взбрыкнул и понес, выделявая невообразимые кульбиты.

Я перевел прицел на второго. Передернул затвор. Прицелился. Сделал поправку. Выдох. Выстрел. Цель, не двигаясь, обвисла вниз головой. Остальные всадники преодолели недоумение и рванули врассыпную, хаотично пытаясь отстреливаться.

Третий выстрел. На сей раз не повезло пегасу. Перебитое крыло подломилось, и двое рухнули на землю. Жаль, животное ни в чем не виновато.

Передернул затвор. Кончились патроны... Враг тоже непозволительно приблизился – стрельба на подавление становилась все более прицельной. Несколько пуль ветерком всколыхнули одежду. Не беда.

Перехватив карабин за приклад, я вновь напрягся – оружие дрогнуло, теряя очертания и превращаясь в рисунок самого себя – Двумерный клинок. Следом боль. Шаг с края крыши в волнующуюся пустоту. Новое перемещение. Я стоял на крупе пегаса, за спиной всадника. Человек был разгорячен. Жаждал крови и смерти. Спешил к врагу... Меня же

обдувал соленый ветер с моря, принося расслабление. Двумерный клинок прошел сквозь тело без сопротивления.

Вновь боль. Очередное перемещение. Следующий удар. Боль. Перемещение. Удар. Боль...

Сознание помутилось. Когда я очнулся, обнаружил себя лежащим в какой-то зловонной канаве. Голова гудела колоколом. У частого использования силы есть свои недостатки – боль, вначале лишь доставляющая неудобства, с каждым разом становится сильнее, пока не затмевает разум. Похоже, начинаю терять форму на службе транспортником, раньше подобное являлось разминкой. Хорошо, что рефлексy еще действуют.

В небе лишь в этот момент первая из моих жертв поняла, что погибла, – тело всадника распалось пополам и стало падать на землю, дергаясь и фонтанируя черной в ночи кровью. Следом еще, и еще... трое.

Как же давно я мечтал о возможности сотворить что-то... эдакое! Полезно иногда отключить мозг и забыть слово «невозможно». Пусть завтра уволят, но как приятно убирать этот человеческий мусор, не дающий дышать Агемо. Не для того я учился в Университете, чтобы грузы с места на место таскать!

– Это пространственник! Он где-то на земле! Найдите и убейте! – Вот и последний всадник проявился!

Не прошло и пары секунд, как в воздух взмыли две фигуры – рухи. Я отчетливо понимал, что переместиться не

смогу: стоит изменить мерность пространства хоть на единицу, тогда потеряю сознание, и мне точно конец. Надеяться, что ночь не такая уж светлая, а содержимое сточной канавы окажется хорошей маскировкой, не приходилось... но пренебрегать ничем не стоило! Для начала зарылся в грязь – попробовал на вкус небеса, пришло время вкусить матушку-землю. Если повезет, то скроет запах от нюха звероподобных. Как же хорошо, что у нас в стране воруют все и на всем! Пятый год благоустраивают территорию авиапорта...

Затем пришло время упрощенной версии силы – иллюзии: укрылся невидимостью, Пологом тишины, не забыл приглушить и электромагнитную ауру – пусть будут прокляты рухи со своим зрением! Главное, чтобы не нашлось обладающих силой, способных применить Пространственный шум.

Пара минут – и буквально в метре от меня показался один из бандитов. Я забыл, как дышать, – иллюзии никогда не являлись моей сильной стороной. Темная фигура повела стволом на какой-то шорох. Выматерилась сквозь зубы. Сплюнула в мою канаву, двинулась дальше.

Еще несколько минут. Пора переходить к следующему этапу. Усилие воли. В нескольких десятках метров вскочила моя копия и побежала, петляя, словно пьяный заяц. Грохот. Вспышки. Ярость, выраженная в огненном эквиваленте, сосредоточилась на иллюзии, так же как и внимание... Значит, ничего страшного, если среди двух дюжин стреляющих ста-

нет на одного больше.

В глазах потемнело от напряжения. Моя копия упала на-земь, сраженная. Я прикусил губу – физическая боль отрез-вила разум. Что ж, теперь попробуем пробраться в ангар. Но только нацелился, как в воротах ангара появился человек, горлопаня:

– Задание выполнено! Уходим! Срочно уходим! У нас меньше минуты!

Тут я растерялся. Следовало признать, переоценил себя, когда ринулся в бой. Потому отступление врага было мне на руку. Но если бандиты убегают, значит, они сделали запланированное! Отпускать их – признать поражение. Ну уж нет! Делать работу, так до конца! Необходимо взять пленного и выяснить подробности происходящего.

Толпа ломанулась к соседнему ангару, где находилась са-модельная коновязь. Я рванул следом. На ходу вытащил кин-жал. Бандиты по двое, по трое запрыгивали на пегасов и взмывали в воздух. Не составило труда оказаться рядом с кричавшим, благо он бежал последним. Коротко саданул ру-кояткой по затылку. Тот свалился на землю.

Маскировка все же слетела. На земле – три пегаса... Два взлетели, не обратив внимания на произошедшее. Зато в те-ни последнего я успел заметить фигуру, вскидывающую винтовку. Выстрелить мразь не успела – пришлось уворачачи-ваться от брошенного кинжала. Заминки хватило, чтобы со-кратить дистанцию для рукопашной.

Никогда не любил ближний бой. Всегда считал глупостью и блажью: если не справились пули и способности, то надо отступать, а не махать конечностями. Однако в Университете волей-неволей приходилось осваивать хотя бы одно боевое искусство. Удалось изучить сават – боевое искусство Предтечи, по слухам, имя которому «Франция», где упор делался на бой ногами – рукам найдутся дела поинтереснее. Теперь должен признать ошибку: руко- и ногопашный бой – порой весьма полезное умение.

Серию ударов в голову противник заблокировал. Попытался контратаковать штыком винтовки. Лезвие вскользь задело скулу, попробовав крови. Больно! Я использовал инерцию выпада и рванул винтовку на себя. Враг покачнулся и пропустил удар ногой в живот. С протяжным выдохом осел, а я коленом ударил в лицо, окончательно выводя из строя.

Вырвал винтовку и вскинул, оборачиваясь. Следовало уничтожить возможную подмогу... Ничего. Совершенно! Даже с воздуха не стреляют, лишь драпают. Всегда знал, что бандиты – та еще падаль, бросят своих не задумываясь!

Взрыв! Меня повалило и протащило пару метров. Когда же удалось отплеваться от лишнего, в том числе пары обломанных зубов, и подняться, то я просто застыл. Ангара больше не было... крыша раскрылась, превратившись в искореженные лепестки, отливающие червлением. В центре пылал цеппелин. Огромный раскаленный докрасна... хотя нет, добела шар. Даже на приличном расстоянии жар был едва тер-

пим, а глаза слезились. Внутри же до сих пор что-то взрывалось, обрушивались куски корпуса, и в воздух поднимались снопы радужных искр, смешиваясь с холодным блеском звезд и Глаз ночи.

«Есть своя красота в хаосе...» – так сказал бы Рейм... мой товарищ! Тот, кого я не уберегу! Чей план провалил! Возможно, чью репутацию сейчас уничтожил...

Действовал я словно машина. Вернулся к бандитам. Осмотрел. Связал. Начал бить. Мысок ботинка раз за разом врезался в живот и бока ублюдка, который посмел напасть на меня. Очередной удар, и что-то хлюпнуло.

Я вновь замахнулся, и тут человекоподобная падаль то ли просипела, то ли прохрипела:

– Начальник, ты чего? Прошу, прекрати... Ты ведь странственник – законник! Вам же Уставом запрещено избивать задержанных! А я не сопротивляюсь, я сдаюсь! Блюстители порядка хорошие...

Я присмотрелся к куску мяса у ног. В зареве пожара контрастно вырисовывалось лицо, покрытое зелено-серой чешуей и желтоватыми костяными наростами на скулах и подбородке. Чешуйник. Судя по всему, бывалый сиделец... Что же, будет ему Устав.

– Хорошие. Хорошие... Именно поэтому разговариваю с тобой, морда чешуйчатая. Спрашиваю вежливо, без всякого давления и принуждения: кто заказал взорвать цеппелин и где он сейчас?

Удар окованным сталью каблуком, что-то хрустнуло.

– Хрен я чего скажу! И что? Что ты сделаешь, а? Бить будешь? Так болью меня не пронять! А убить не посмеешь! Так что пошел в... – Тирада сопровождалась плевками и попытками показать неприличные знаки.

– Будь добр, помолчи!

Удар ногой ниже пояса. Паскуда аж зарычала от ярости и боли.

– Времени у меня немного, но, как ты напомнил, – я хороший, поэтому даю последний шанс. А пока думаешь, посмотри направо, на своего товарища.

– Чё ты несешь...

Щелчок пальцами. Второй бандит, лежавший в нескольких метрах, заорал во всю глотку. Одновременно он судорожно дергался, извивался, бился оземь... Неспешно, фаланга за фалангой пальцы на руках болезного стали превращаться в рисунки самих себя.

– Пространственная гангрена – ужасная болезнь, что ни говори. Первая стадия – двухмерность. Говорят, когда тело теряет размерность, ощущения в высшей степени оригинальные – нервы остались и работают, но не совсем корректно: чувствительность повышается в разы, любое прикосновение, словно поцелуй вселенной, – боль и экстаз сливаются, выжигая саму сердцевину личности...

Не прошло минуты, как изменения дошли до ладоней. Преодолели запястья. Проявились на ногах. Сантиметр за

сантиметром охлопывалась плоть. Крик перешел практически в ультразвук, аж зубы заболели.

Двумерные пластинки начали закручиваться на манер пропеллера. С каждой секундой угол закручивания становился все больше. Наконец пальцы превратились в едва различимые нити. Крик перешел в хрип, бандит забулькал, задыхаясь.

– Вторая стадия – одномерность. Затем третья – нульмерное схлопывание, а это не лечится. Представь: придут пространственники, станут рыскать, искать всякое и найдут его – человека без рук, без ног, без языка, возможно, без глаз, носа, ушей... обрубок, а не человека найдут. Вот они удивятся!

Правая рука, до плеча уже ставшая двумерной, не выдержав судорог, треснула и отвалилась, словно тонкое стекло, оставив на двумерном обрубке сеть трещин. Бандит последний раз вздрогнул и затих – похоже, то, что раньше жило внутри, сломалось. Лишь из глаз текли слезы... из оставшегося глаза.

– А ежели болезнь до жизненно важных органов доберется – труп! Помочь же так просто. Всего-то изменить мерность искалеченной конечности на противоположную... Надо помочь человеку! Вылечить. Как-никак я хороший, и это моя работа...

Еще один щелчок пальцами. Двумерные части стали четырехмерными, а одномерные – пятимерными – расплывча-

той, почти неосязаемой дымкой. Затем измененные части исчезли. Образовавшийся вакуум на месте ног и рук, по примеру нульмерных бомб, с хлопком всосал воздух. Тело, оказавшееся в эпицентре, разорвало на части. Кровь оросила окрестности. Даже до меня долетели брызги, окропив лицо. Кости, органы, мясо и прочая требуха скрутились в четыре неаппетитных шарика.

– Прошу прощения, давно не тренировался. А ты, случайно, не заразился? Даже ваша живучая сверх всяких приличий порода не может регенерировать последствия этой болезни. Не чувствуешь онемения в руках или ногах – это первый симптом. Язык слушается? Самое паршивое, когда начинается с мужского достоинства... оно быстро становится недостатком.

Я улыбнулся. Не предполагал, что зеленое чешуйчатое лицо может побледнеть, а зрачок сузиться до размеров булавочной головки...

– Не могу сказать! Иван Малахитовый, он везде достанет, и тогда несдобровать...

– Знаешь, что самое паршивое? Никто не знает, как болезнь распространяется, в опасности можешь находиться не только ты, но и твои подельники. Если ничего не предпринять, то и родичи... Очень печально, если начнется эпидемия.

– Все скажу, начальник! Все! Не знаю, кто заказал взрыв... глаз даю, начальник, не знаю! Всегда приходил с за-

крытым лицом и общался только с Иваном Малахитовым – главарем! Однако знаю, где он сейчас! В здании авиапорта, наблюдает за тем, как мы сделали работу! Там же десяток наших и кто отсюда слинял... сунешься – порешат.

Врать под действием сильных эмоций и в спешке очень несподручно, потому я решил поверить.

– Всегда знал, что улыбка и вежливая беседа – универсальное средство! Примут за равного и в светском обществе, и среди самых отъявленных отмороzków.

Третий щелчок пальцами. Чешуйник судорожно скрючился... Ничего с ним не произошло. Зато все следы кровавой бани исчезли, проявив целое тело. Хорошее получилось шоу. Жаль, что моих пяти Ветвей Памяти не хватает на полноценное манипулирование мерностью объектов на расстоянии, иначе все оказалось бы куда проще. Вот только измываться над трупами, даже таких подонков, – нехорошо... эх, не рассчитал сил, оглушая подлеца, больно хрупкий оказался – при беглом осмотре. Хорошо, с этим удалось договориться.

Удар ногой, и с влажным хрустом голова чешуйника вывернулась под неестественным углом. Теперь можно продолжать.

Никогда не умел скрывать эмоции. В детстве частенько плакал, по поводу и без. Как следствие, доставалось еще больше. Однако стоило попасть в Университет, слезы стали

непозволительной роскошью. Невозможно в одночасье пере-
кроить душу... Тогда я изменил реакцию на раздражители:
вместо слез – улыбка. Чем хуже ситуация, тем шире улыбка,
а вдобавок разгорается решимость. Решимость делать необ-
ходимое. И сейчас, хотя поджилки тряслись, а кровь бурли-
ла, помимо воли, на лице проступала улыбка...

Как я ни спешил, как ни подгонял трофейного пегаса –
тщетно. Лорн на месте не оказалось, валялось лишь тело
Рейма. Зато с высоты, где парил пегас, сквозь приветливо
светящиеся окна просматривалось все помещение авиапор-
та. Больше трех десятков ублюдков целятся в двери, окна и
просто места, куда возможно переместиться... Хорошо, что
привыкший к свету взгляд не обнаружит меня во тьме ноч-
ного неба. Главное, я прекрасно вижу того единственного,
кто не участвовал во всеобщей вооруженной истерии: чело-
век в черном бесформенном плаще с накинутым капюшо-
ном вальяжно поднимался с места у окна, где я давеча утром
пил кофе. В дополнение картины рядом с темной личностью
маячило двое гориллоподобных существ. Соваться внутрь –
самоубийство! Пусть я немного восстановился – могу при-
менить силу пару раз, но... Нужен план!

Я вцепился зубами в кулак так, что кровь потекла. Как ни
странно, помогло – возник совершенно бредовый план... хо-
тя, скорее, проверенный! Извлек из пространственного кар-
мана запасной револьвер – хорошо, сейчас на это есть силы.
Необходимо специально для таких случаев положить в за-

начку пару бомб, на Технической выставке видел несколько интересных экземпляров. С тихой обреченностью дал шпор пегасу, направляя в окно второго этажа. Сам же под укол боли прыгнул вниз.

Приземлился я... не там! До цели в плаще оставалось около десятка метров! Зато округлившиеся глаза одного из охранников оказались уж слишком близко. Кристалл блокировки пространства! Что за времена, стратегический ресурс у каждой швали!

За спиной грянула канонада – все атаковали пегаса, появившегося со звоном стекла. Все, кроме охранника, – автоматический пистолет посмотрел на меня равнодушным зрачком. Я оказался быстрее неповоротливой туши: удар по руке – очередь ушла в потолок, ребром ладони по кадыку – и гора мышц захрипела и стала заваливаться на меня, превращаясь в живой щит. Вскинул револьвер – убрать еще одного и... Второй охранник невероятно метким выстрелом попал в мое оружие, превратив ладонь в месиво из железа, кости и мяса. Боль опалила разум и дала сил швырнуть безвольное тело в стрелка. Вновь стрекот пистолета. Живой щит потерял главное свойство, украсившись парой дыр. Я успел перекатом уйти за ближайшую колонну. К этому времени всеобщее внимание переключилось на меня. Град пуль вгрызался в гранит, выедавая мои последние мгновения. Гениальный план с пленением убийцы и последующим обменом на Лорн официально провалился.

– Прекратили огонь. Живо! – перекрывая грохот, разнеслось по помещению. – Живо, я сказал!

Как ни странно, пальба буквально в течение секунды прекратилась. Передышка? Отлично, значит, появилось время замотать культую покрепче... К Лодуру форму, тряпки нужнее, кровь так и хлещет! Главное – не потерять сознание.

– Иван, но тут пространственник, которого...

– Знаю, идиот! Я – чувствующий, если ты не забыл! И приказываю оставить его в покое! Мы сваливаем! – Голос бы пропитан силой и кровью.

– Что? А договор! Вы в моем подчинении, пока не закончим зачистку! И его необходимо зачистить... и вообще, кто с вами рядом? Лори? Почему она еще жива?! – Уже другой голос, однозначно знакомый, но из-за шума крови в ушах узнать не получалось.

Не выдержав, я высунулся из укрытия. У одной из дверей первого этажа стоял самый типичный работяга: потрепанная рубаша, заправленная в помятые, чуть испачканные брюки на подтяжках, да морда с легкой щетиной. Лишь приглядев-шись, я заметил не дешевую по нынешнему дефициту сигарку да невозмутимо отстраненный взгляд из-под надвинутого на самый лоб кепи... чем-то смутно знакомый. Рядом же стояла... Лорн! И Мефи, прохвост такой, сидел на плече и не думал помогать хозяйке. Хотя бы жива, значит, шансы есть!

– Жива, потому что авторитетный человек. Она корешуется с самим Иваном Пропитым! Тем самым, которого ищут

все пространственники и который мирно отдыхает от дел в Хроно. Ссориться же с Пропитым и оставшимися у него в Империи корешами я не собираюсь! Тем более нанимал нас не ты и не для этого! А если по прихоти заказчик меняет планы и кому-то там решает помочь, я не собираюсь жопу рвать! Мы сделали достаточно! Так что, ребятки, уходим!

– Пахан, но он убил наших! – Судя по воюще-лающему голосу, это был кто-то из звероподобных. – Ты что, прогнул-ся под бабу? Да взять ее и пустить...

Выстрел револьвера и последующий звук падения были весьма красноречивы.

– У кого-нибудь еще есть светлые идеи? Нет! Тогда уходим! Пусть сами разбираются. – Мужчина обернулся к девушке и вкрадчиво продолжил: – Прошу прощения, что вам пришлось это услышать, но с этими остолопами по-иному нельзя. Госпожа Лори, надеюсь, договор в силе?

– Могу уверить: после того как инцидент разрешится, вас не станут преследовать по этому делу. Однако совет: прекращайте разбойную жизнь, мы не всегда сможем прийти к соглашению.

– Обязательно прислушаюсь к столь мудрому совету, но ничего не могу обещать, раз такая жизнь позволяет встречать подобных вам!

Как сказала бы виконтесса Кранская: аромат лилии тонок, но наиболее ярок при сильном ветре, и, раз его почувствовав, не спутаешь ни с чем иным, даже в самом роскошном

саду, он всегда будет манить.

– Проклятые выродки Хроно! Мало мы вас били в Войне Вне Времени, но нет, вы все лезете! Чего-то хотите от Империи! – Тень, про которую я почти забыл, грязно выругалась. – Ничего, я всех уничтожу! Послов! Временщиков! А понадобится, и пространственников, забывших о родине и продавшихся врагу. Все сдохните!

Вот и мотив – расовая ненависть, классическая. В сочетании с мало-мальским интеллектом практически не обнаруживаемая, пока не станет слишком поздно.

Темная личность сорвалась с места. Какой неугомонный! Придется подниматься, а так хочется закрыть глаза... Вниз убийца двинуться не рискнул. Разумно, нейтралитет бандитов довольно непрочен, особенно пока рядом Лори.

Потому цель, недолго думая, нырнула в одно из служебных помещений.

– Юрий! – Главарь кинул мне... Рефлексы позволили проскользнуть сквозь кроваво-радужные пятна в глазах, и здоровая рука ухватила... револьвер! Тот самый, который оставался у Лорн. – С тебя бутылка вина! И постарайся ее ни на кого не пролить!

Коридоры, повороты, еще коридоры. И еще больше поворотов. Множество комнат. Изредка встречаются развилки. Не общественное здание, а какой-то лабиринт! Может, их специально так строят? Что за чушь лезет в голову! Это все от потери крови...

Хотя, чего переживать? Как бы цель ни убегала, ни пряталась и ни заметала следы – я ее найду! Просто не имею права не найти! Ведь вместе с болью и яростью чувства обострились, и теперь я, как Туманник на пике формы.

Однако спешить тоже нельзя! Попасть в засаду после всего станет верхом непрофессионализма. И даже иронично! Так что чувства только в тандеме с разумом!

Новый поворот. Я выскользнул как раз вовремя, дабы заметить полу плаща, исчезающую за дверью в противоположном конце коридора. Десять шагов. Надавить плечом... Закрыто? Не проблема! Револьвер грохнул дважды – о замке осталась лишь память. Удар ногой. Тускло освещенная лестница.

Первый пролет – ничего. Второй – только булыжник, местами покрытый мхом. Третий – окно: ровная гладь каменного поля и гряда скал, о которую в неистовстве разбиваются волны моря Пристанища, превращаясь в сотни черных жемчужин. Четвертый пролет – дверь и новый поворот лестницы.

Шагов не слышно. Натужные скрипы, лязги и завывания исполинского часового механизма над головой заглушают посторонние звуки. Придется рисковать... Кровь уже капает с самодельной повязки. Толкаю дверь. Порыв ветра приносит прохладу и запах гари. Фигура в сером плаще на другой стороне крыши – сгорбившись, тяжело дышит.

– Сдавайся! Ты загнал себя в угол!

Аккуратно двигаюсь вперед. Крыша покатая, а металл влажный. Темная личность, придерживающая капюшон, чтобы не сорвало ветром, находится от меня всего в двух десятках метров. На нее нацелен револьвер, во избежание.

По правую руку зарево пожара окутало багрянцем половину неба. Слышны отдаленные взрывы – пламя перекинулось на соседние ангары. По левую руку газовыми огнями фонарей сияет Агемо. Видно, как сюда спешат экипажи подмоги, – отработанный пар стелется саваном в стылом воздухе.

– Вы не понимаете! Я пытался...

Слова заглушил бой курантов. Тридцать пять часов! Остался час до срока!

Икру пронзает острая боль. Нога подламывается в колене. Не удержав равновесия, падаю. Качусь по скату. Попытки хоть за что-нибудь уцепиться тщетны – слишком скользко. Изуродованная кисть оставляет кровавый след и рвет мозг агонией... Край крыши. Мерещится, что у часовой башни шевельнулась тень. Падение.

Две секунды превращаются в вечность. Пытаюсь использовать силу. Стоит лишь открыть Пробой... ничего! Успеваю удивиться. Должно же получиться! Вознегодовать. Вот ведь! Смириться. А ведь день начинался неплохо, хотя стоит признать, весьма странно...

Ледяной цветок расцвел в душе. Мгновение, и мозг слов-

но парализован. Еще несколько долгих секунд – тело застыло, сведенное судорогой. Лишь сердце натужно гнало кровь, пытаясь заставить жить... а затем я шумно выдохнул. Все прошло, осталось лишь легкое онемение в членах, словно они слегка запаздывали за мыслями.

Я сморгнул. «Рассветный Бриз» закрывал половину неба. Оболочка уверенно блестела металлом, отражая полуденное светило, а отделанная позолотой и искусно украшенная гондола смотрелась судном Предтеч, плывущим по морю Пристанища, чьи воды бушевали в каких-то нескольких сотнях метров отсюда. От цеппелина к зданию авиапорта спешили пассажиры первого класса. Девять человек: тучная фигура посла; чуть позади темная мужская фигура в строгом сюртуке и легкий девичий образ в ослепительно-белой меховой ротонде, дополненной легкомысленной шляпкой с перьями, – временщики охраны; отдельно – фигура со склоненной головой и заведенными за спину руками в сопровождении четверых охранников с «Рассветного Бриза»; плюс оставшаяся пятерка, входившая в здание авиапорта. И все – под радостные крики, гам и просто шум, усилившийся до предела на первом этаже.

За свою жизнь я умирал уже в третий раз. Должен признать, опыт весьма оригинальный, хотя довольно неприятный, и повторять желания не имелось. Однако, как ни странно, смерть хорошо влияет на аппетит. Пальцы вновь на месте, пусть чуть дрожат, но держат чашку. Остатки кофе ока-

зались верхом изысканности!

Стоило выдвигаться. Впереди ждал целый день... день сопровождения временщиков. К тому же не плохо бы узнать, кто оказался убийцей. Я надел перчатки и чуть пошарпанное, но достаточно теплое для середины весны пальто.

Но стоило шагнуть к выходу, как замер. Собственно, к чему спешить? Мое опоздание ничего не изменит, а вот совершить кое-какую ошибку я просто обязан! Вдруг это не ошибка?

Глава 2

Совесть и самообман

Скрип перьевой ручки. Тиканье настенных часов.

Вновь скрип... Снова тиканье... То, что должно разбивать гнетущую атмосферу, лишь усиливало ее неотвратимой монотонностью.

Третий раз в жизни я посещал данный кабинет. Готов поклясться, все, начиная от утонченной мебелировки просторного помещения и заканчивая рублеными штрихами военной атрибутики, было для того, чтобы гости чувствовали себя максимально неуютно.

Хотя, может, я предвзят? Ситуации, приводившие меня сюда, отдавали печалью и легким презрением к себе. Поступление на службу после инцидента в Университете. Вчерашняя выволочка за потерянное письмо и последующее получение задания. Наконец, предстоящий отчет о том, как мы с временщиками давеча накуролесили...

В памяти невольно всплыло: мрачная физиономия Каран при утреннем разговоре; как все без исключения встреченные пространственники умолкали, приветливо улыбались и раскланивались, стоило только приблизиться, а спину буровили многозначительные взгляды; и, разумеется, нервное поведение мальчишки-посыльного, передававшего при-

каз о вызове... На протяжении пятнадцати минут я стоял навытяжку перед его превосходительством Людером Рикманом! Мне однозначно несдобровать! Вопрос лишь: убьют или увольнением отделаюсь?!

– Значит, не побоялся, приперся-таки? – в унисон с последней мыслью раздался хриловатый голос.

– Пространственник-транспортник Юрий Викторович Сломов прибыл по вашему приказу, ваше превосходительство Людер Рикман, – отрапортовал я, прижав правый кулак к сердцу.

– Вижу, что прибыл! – буркнули раздраженно. – Чего так кричать? Я вроде не глухой... Хотя удивительно, учитывая, сколько приходится орать на всяких бестолочей!

Мой взор сфокусировался на источнике звука, который почти терялся на фоне массивного стола, заставленного аккуратными стопками бумаг. По спине пробежали мурашки, стоило напороться на встречный взгляд – две капли ртути, непрерывно сканировавшие меня из-под густых насупленных бровей. Собственно, движение глаз единственное, что отличало от статуи седовласого мужчину с абсолютно невозмутимым лицом, изборожденным в равной степени как темными морщинами, так и беловатыми шрамами.

– Молчишь? Молодец, что молчишь! По крайней мере, глупости не говоришь! Значит, не совсем безнадёжен... Хотя по делам не скажешь: уничтожение имущества авиапорта, на несколько сотен тысяч эвот, в том числе дирижабля «Рас-

светный Бриз»; массовая бойня там же; гибель подопечного временщика и пленение второго; а также собственная смерть при исполнении!

Что же, сбегать поздно, да и некуда... Оправдываться? Ну уж нет! В ситуации, когда понимаешь и признаешь вину, это равноценно украшению цветами собственной могилы. Остается расслабиться, улыбнуться и извлечь из надвигающейся бури максимум! Наглеть – так с удовольствием!

– Ваше превосходительство, я выполнял ваш приказ и свой долг. Прошу заметить, вполне успешно, ибо перечисленное – осталось во Временной Ветви. В Стволе Времени мы имеем целых временщиков, живого посла и пойманного убийцу!

– Значит так? Что ж, пока не забыл, на тебя пришла жалоба. Якобы, после гибели посла, ты обманом заставил расследовавших дело пространственников выдать вам с временщиками информацию относительно дела, а затем вывел последних с территории особняка, хотя они являлись подозреваемыми. Как минимум – превышение должностных полномочий... как максимум – возникают сомнения в благонадежности. Твои комментарии?

– При всем уважении, ваше превосходительство, если кто-то не умеет видеть возможности и потому завидует – это не моя проблема.

– Выходит, не раскаиваешься и считаешь поступки правильными? Относительно отчета временщиков хочешь что-

нибудь добавить?

Вот тут я слегка растерялся. Не думал, что меня осудят с чужих слов. Хотя... пожалуй, так даже лучше. Чего бы временщики ни написали – их право, более того, они имели основания обвинять меня за случившееся.

– Это точка зрения временщиков. Их правда. Я ее принимаю.

Перьевая ручка размытым контуром мелькала меж пальцев его превосходительства. Радует хотя бы то, что вынести вердикт снизошел не просто человек, а живая легенда: герой Сезонной войны для народов Империи и пример для подражания всех пространственников, как-никак бриллиантовая серьга. Сама Императрица присвоила ему титул старшего аристократа и приблизила ко двору, сделав учителем молодого Императора. Даже теперь, годы спустя, он – личный советник правителя Империи Терра.

– Что ж... молодец! Хвалю! – Морщины его превосходительства слегка разгладились, когда взгляд переместился на стену, увешанную военными наградами, трофеями и оружием. – Приятно знать, что среди молодежи остались пространственники, занимающиеся не только бумаготворчеством, но и приносящие пользу Империи!

– Что? Серьезно? Сработало? Не верю...

– Изучил я твое дело. Довольно занимательно. Несмотря на то, что тебя сослали на самое дно и ты ненавидишь работу транспортника, в отличие от большинства, выполняешь

ее ответственно и качественно – дослужился до главы отдела «Дипломатической корреспонденции». Даже тот факт, что взял вину за вчерашний инцидент и вызвался все исправить, о многом говорит! Кстати, с потерянными данными разобрались. Отыскали виновного. Ты же ищешь новые возможности... да, я о твоей подработке.

Они ничего не докажут. Не докажут! Расслабиться... нечего сжимать кулаки. Ведь не докажут?

– Не волнуйся. Партия сладостей из Хроно очень понравилась моей внучке... Я не пойму другого: о спокойном и доходном месте, как у тебя, многие могут только мечтать, но за последние семь лет ты подал больше двух дюжин прошений о переводе на должность оперативника, хотя после провала последнего экзамена в Университете ты чудом не получил черный билет...

Я невольно вздрогнул, а морщинистую щеку Людера Рикмана рассекла усмешка.

– Зачем тебе это, Светоч? Почему просто не отправиться в Свободный город под крыло родителей?

– Ваше превосходительство, я молод, глуп и полон сил – самое время, чтобы показать себя!

Взор Людера Рикмана застыл, пронизывая саму мою суть. На несколько ударов сердца я забыл, как дышать. Затем он захохотал, да так, что завибрировали стекла в дверцах массивного шкафа с книгами и документами.

– Что ж, можешь не выдавать секретов... пока. Но, глав-

ное, считай, что добился своего – тебя заметили! Предлагаю тебе перейти в оперативники!

Мой взгляд невольно устремился за спину его превосходительству в окно, из которого открывался захватывающий дух вид на величественные сады Центрального острова и ослепительный замок Императора. Вот ведь... теперь новую мечту придумывать.

– Служу Империи! – гаркнул я. Чуть подумав, не выдержал: – Ваше превосходительство, разрешите вопрос?

– Вопрос? – выгнул бровь Людер Рикман. – Что же, удиви меня.

– Доктор Лембер... насколько вески доказательства его причастности к преступлению?

– Именно он арестован в аэропорту мадемуазель Лорн... вернее, ее питомцем. Как там его? Мерфи или Марфи? Мелкая, забавная такая ласка. Судя по отчетам, его пришлось чуть ли не сдирать с шеи подозреваемого. После доктор давал признательные показания в подробностях. По прошествии Рокировки с прошлым задержан временщиками в момент совершения преступления в сопровождении пары свидетелей: Ефима Тернога и Алекрия Витольдовича. Лучше поясни причину вопроса: имеются какие-то сомнения на его счет? Ты же, согласно отчету временщиков, проделал основную работу по задержанию?

– За время погони я не видел лица преступника. По чести, не знаю, что думать, – поведение доктора... мягко го-

вора, абсурдное: подставить временщиков, но отпустить на расследование; старательно заматывать следы, но прийти нам в руки, на место уничтожения «Рассветного Бриза»; в конце концов, я не верю, что доктор не знал о возможностях временщиков!

– Ты подозреваешь, что временщики замешаны в данном деле?

– Никак нет! Это невозможно! – Я на миг умолк, пораженный собственной горячностью. Но продолжил: – Кто-то другой вполне...

Я помнил оговорки бандитов. То, что кристаллу блокировки пространства доктора не хватало дальности, чтобы заблокировать меня с другого конца крыши. Как доктор пытался что-то сказать. Помнил тень. Кроме того, имелось другое, не столь очевидное...

– Юрий, раз ты переходишь под мое начало, позволь раскрою секрет бывалого оперативника. Мир на девяносто процентов состоит из глупостей и случайностей. Поначалу я тоже в каждом деле видел двойное дно, заговор и невесть что! Потом пришел к выводу: нет героев, нет злодеев, сплошные дураки, каждый по-своему. Так что расслабься – ты сделал все возможное.

Как и следовало ожидать, главное для начальства, чтобы скандала не случилось, а значит, быстрее закрыть разбирательство, благо на кого свалить имеется, и не без основания. Хотя я-то чего волнуюсь? Его превосходительство прав – я

получил что хотел, даже больше. Теперь меня это не касается.

– Но я рад, что ты веришь во временщиков. – Ручка замерла в пальцах его превосходительства. Золоченое перо нацелилось на меня. – Как-никак тебе с ними работать.

Я умудрился поперхнуться мыслями.

– Простите, ваше превосходительство, с временщиками?

– Откуда столько изумления в голосе? Временщики прибыли по программе обмена опытом. Более того, они наши друзья и союзники, так что для работы и освоения на месте им нужен пространственник, причем не абы какой. Ты – идеальная кандидатура! Хотя, возможно, боишься продолжить сотрудничество или сомневаешься в своих силах?

«Лорн и Рейм являлись настоящим проклятием Университета. Поговаривают, за ними столько, что хватило бы на несколько исключений, а возможно, и пару десятилетий на острове Печали, если не на казнь. Помнишь землетрясение, способствовавшее частичной перепланировке Университета года два назад? Ходят слухи, что именно они приложили руку... Но доказательства отсутствуют!

Про годовую практику в Столице молчу! У них на счету не меньше двух десятков серьезных дел, в том числе о «Тройном противоядии», то самое, по чьим мотивам написали книгу! Притом за время практики, насколько удалось выяснить, от них отказались четыре куратора, а один вовсе по-

гиб. Представь, временщик, и погиб! Поэтому упорно имеются мнения, что к нам временщиков прислали чуть ли не в ссылку, ибо контролировать их невозможно!»

Вспыхнуло воспоминание. Карай оказался дотошен, за неполные сутки многое разузнал про гостей, а во время сегодняшней встречи просветил и меня.

– Будет жаль расстраивать временщиков, – задумчиво разглагольствовал Людер Рикман. – С ними сложно наладить контакт, но отчет, написанный ими относительно произошедших событий... героическая ода в твою честь. Весь храм пространства зачитывается с самого утра! Хотя неволить не стану: считаешь работу с временщиками не по тебе, откажись сразу. Найти замену не составит труда – многие полжизни отдали бы за возможность работать с путешественниками во времени! Тебе всегда найдется место в группе оперативников Агемо – преступность никогда не переведется. Тем более в ночь перед праздником окончания Войны Вне Времени готовится облава на Иммунного. Людей необходимо прорва!

– Ваше превосходительство, для меня станет честью и удовольствием работать с временщиками! Не извольте беспокоиться!

– Вот и хорошо. Некрасиво бы получилось, начнись наше сотрудничество с твоего неподчинения моему прямому приказу. – Морщинки у глаз начальника смеялись так, как могут смеяться колокольчики, потревоженные порывом пролетев-

шей рядом пули. – Тогда получи и распишись.

На свободном участке стола появились два патрона плюс довольно пухлый том. Рядом – несколько официальных бумаг о переводе на новую должность, также уведомление о снятии с баланса храма пространства и передачи в мое пользование: «Ежедневник, в кожаном переплете на тысячу страниц, – 1 штука; патроны для револьвера, с сердцевиной из кристалла блокировки времени, – 2 штуки».

– Надеюсь, назначение патронов вопроса не вызывает? Спрячь в пространственный карман и забудь, пока не решишь, что интересы Империи превыше чьей-то судьбы.

Подписанные бумаги исчезли в недрах стола, а выданные вещи у меня.

– Относительно ежедневника... Поверь, даже с твоими пятью Ветвями Памяти окажется проблемой уследить за временщиками. Придется завести дневник. После каждого дела показывать лично мне! И первая запись там должна появиться уже вчера!

Наставления прервал стук, сменившийся чуть различным шелестом открывшейся двери с краткими вкраплениями недовольных голосов на заднем фоне.

– Ваше превосходительство, – узнал я почтительный и одновременно невозмутимый голос пожилого слуги из приемной. – Прибыли представители личной безопасности Императора. Настаивают на немедленной встрече относительно праздника окончания Войны Вне Времени.

– Благодарю, Днеарк Овор. Назначенное им время только через три минуты. За беспокойство минута сверх. Пусть ждут! – Движение воздуха ознаменовало закрытие двери. Его превосходительство хищно повел не раз поломанным носом, нацелившись на портрет почившей Императрицы и молодого Императора: – Какой мальчишка, такие и приближенные – никакого уважения к старшим и обычаям. Эх, не хватает людям былой мощи и стати! Ладно, пора с тобой заканчивать. Сейчас подойдешь к Днеарку Овору и получишь папку с заданием и сопроводительные документы. Посмотрим, на что ты способен! Да... не забудь поменять серьгу со стальной на серебряную – надо чтить новый статус!

– Сделаю все возможное, чтобы не подвести ни их, ни вас!

– Когда ты молчишь, то выглядишь умнее. Теперь пошел вон! – Людор Рикман вновь склонился над бумагами.

Из кабинета я вылетал с одной мыслью: необходимо достать копию отчета и почитать о своих приключениях!

Я – силен! Нет, не так. Я – великолепен!

Тоже не то. Я эпичен! Я затмеваю героев былого и грядущего! Да что там, Винар, Министро, Нетас и Анна – богоизбранные Несуществующие – лишь завидуют моему могуществу, в благоговении взирая со стороны!

Десятки, даже сотни противников ничего не значат, я стираю всех в прах! Ибо сказано в отчете: «Выстрелы сменялись ударами Двумерного клинка, и в полет отправлялись Одно-

мерные шипы – враги падали, словно капли дождя. А стоило господину Юрию снизойти на землю, как оставшиеся противники бросились в бегство».

Мое стратегическое мышление способно выстроить самые гениальные, самые изощренные планы еще до того, как они понадобятся! Вспоминая тот же отчет: «Как и рассчитывал господин Юрий, потери боя внесли смятение в ряды бандитов. Подобное позволило распылить силы противника и снизить эффективность охраны доктора Лембера».

Хотя это мне ни к чему, ибо я способен заговорить даже Лодура. Девиц из беды я спасаю чуть ли не на профессиональной основе! Продолжаю цитирование: «Решив, что сражение будет слишком долгим, неэффективным и опасным для мадемуазель Лорн, господин Юрий снизошел до переговоров с ослабленным противником, в результате бандиты отступили, а Иван лично отдал господину Юрию оружие».

Вообще, если что-то у меня не получается, то лишь по нелепой случайности! Потому я почти всемогущ! Да. Примерно так можно описать отчет временщиков, экземпляр которого все же удалось добыть. Пока я читал, честное слово, несколько раз прослезился, по-черному завидуя самому себе! Интересно, откуда только Лорн и Рейм взяли подробности?

В очередной раз бросил взгляд на посольство через дорогу. Точнее, не столько на него, сколько на кованный забор в десяток метров, заросший вечнозеленым кустарником с ост-

рыми шипами, напрочь закрывающим территорию. Внутри меня не пустили, но привратник обещал передать о прибытии и ожидании «господам временщикам», поэтому последние минут пятнадцать только и оставалось, как вполглаза наблюдать за литыми воротами.

– Друг мой! Рад видеть! – возглас заставил оглянуться. Блистая улыбкой, ко мне спешил Рейм.

– Приветствую! – Я с чувством пожал руку временщику. – Ты хорош. Сколько на лавочке сижу, по сторонам смотрю, каналом люблюсь, а твоего появления не заметил!

– Это не я хорош, друг мой, это у вас город безумный! Не улицы, а лабиринты! На этот проспект вышел каким-то чудом, хорошо тебя приметил! Удивляюсь, как тут люди голову на ходу не теряют! – Временщик парой жестов оправил роскошный сюртучный костюм. – Пневмометро и вовсе нечто! Крик! Давка! Ничего не разобрать! Мне понравилось! Бодрит!

– Метро? Как ты оказался в пневмометро? Вообще, откуда ты в такую рань? Возвращаешься с утреннего моциона?

– Скорее с ночного вояжа. Отмена званого вечера у графа – не повод прекрасным леди проводить ночь в одиночестве.

– Э-э-э...

– Друг мой, не прожигай меня взглядом. Не будь ханжой! Ты же видел, как во Временной Ветви на приеме я общался с одной обворожительной аристократочкой. Плюс скольких ты не видел! Вот и решил продолжить знакомство, благо па-

ра новых знакомых оказались чувствующими. Их жутко интересовало, чем кончилось дело... – Его глаза затуманились, но лишь на миг. – Кстати, несколько барышень очень заинтересовались тобой, так что если желаешь...

– А как же Лорн? – удалось заменить возмущение удивлением. Вроде как.

– Что Лорн, друг мой? Лорн – часть моей души! Она, как моя напарница и друг, прекрасно осознает наличие у меня потребностей, с которыми она, как приличная девушка, не может помочь! Другие женщины как раз для подобного рода удовольствий и нужны.

«Любовь?! Хех! Ну ты смешной! В Университете по этому поводу они стали настоящей легендой: за девять лет обучения Рейм «перезнакомился» с большинством представительниц женского пола как среди временщиков, так и среди пространственников всех курсов. Поговаривают даже о парочке преподавательниц! За год практики в Столице успел отличиться: десяток достоверно известных случаев – по количеству дуэлей, а наверняка узнать, сколько радости он принес девичьим сердцам, нам не суждено!

Однако, должен признать, относительно Лорн картина кардинально другая. Несмотря на похождения, Рейм не покидал Лорн больше чем на пять-шесть часов, не говоря о том, чтобы подпустить к девушке кого-нибудь! Сколько драк и дуэлей он прошел за ее честь... не счесть!» – вновь вспомнились «разведданные» Карай.

Ворота ограды посольства распахнулись. Показалось матово-черное двухэтажное здание в глубине территории, по центру фасада украшенное рисунком: белая ласка, стоящая на песочных часах – герб Хроно, пришедший из легенд «Священной Триады Несуществующих». Врата сомкнулись, оставив снаружи обворожительный образ Лорн и настоящую ласку, серебристым украшением свернувшуюся на шее девушки.

– Лорн! Дорогая! С добрым утром! – Рейм поспешил обнять, поцеловать и взять напарницу под руку. – Куда ты одна? Стоило подождать моего возвращения.

– Ни к чему, милый, меня встречает господин Юрий. Кроме того, я не надеялась на твое столь раннее возвращение! В этот раз за тобой не гонятся недовольные мужья, женихи или отцы? – Мефи запрыгнул на плечо парню и небрежно лизнул в щеку.

– Что ты, дорогая, я предохранялся. Собственно, потому и рано – чтобы все остались довольны. Даже поесть не успел, надо что-нибудь купить.

Странно... говорим на всеобщем. Более того, тема наимпростейшая. Но все равно сказанное и вложенное в речи мною в корне отличалось от услышанного и понятого временщиками. Вроде и неглупые люди... неужто настолько разное мировоззрение? Тогда почему дураком себя чувствую я?

– Приветствую, мадемуазель Лорн. – Я с поклоном по-

целовал пальчики девушки. – Простите за беспокойство в столь ранний час, но не мог ждать! Ваш отчет! Честно говоря, я поражен... подобной интерпретацией событий.

– Надеюсь, не возникло проблем? Должен отметить, друг мой, в отчете ни слова лжи – мы помним, как она тебе претит.

– Что вы! Наоборот, я крайне благодарен за это... за все! Вы ни много ни мало спасли мою работу! Не говоря о жизни!

Мы неспешно двинулись вдоль канала. За время ожидания я успел полюбить эту набережную. В отличие от остального города здесь оказалось на удивление спокойно – две-три двуколки и никаких прохожих. Кроме того, с канала веяло прохладой и свежестью, а бликами солнца на водной ряби можно было любоваться часами. Даже вездесущие баржи городских не показывались. Такое чувство, словно оказался на периферии жизни. Те, кто строил посольство Хроно, умели выбирать вид, хотя, возможно, подобную уединенность место приобрело уже после постройки?

– Пустое, друг мой. Скажу честно, мы с Лорн твои поклонники со времен Университета! Многие считают твое выступление на выпускном экзамене эталоном глупой самонадеянности, но... как по нам, это гениально! Тебе лишь немного не хватило везения!

– Не думал, что ты настолько безжалостный, Рейм. – Я скривился, чувствуя, как сжимаются кулаки.

– Господин Юрий, мой напарник ни в коей мере не же-

лал вас оскорбить. Мы в самом деле под большим впечатлением от вашего выступления. Придумать новое применение стандартной способности – это неординарно! Вы же сделали больше, подвели под это теоретический базис! Нам повезло найти вашу научную статью по расчету теории: «Кинетика объектов в замкнутой многомерной инерциальной системе». Кто бы что ни говорил, ваши расчеты верны – это возможно. Полагаю, подкачало исполнение...

– Полагаю, у вас имеются идеи, в чем ошибка?

– Могу лишь предполагать, но вы не думали, что созданная система оказалась слишком идеальной? Симметричный контур мог стать резонатором, попав в который энергия от каждой последующей атаки экспоненциально усилила нагрузку, и подобное без возможности выхода.

– При достижении энергией критической величины, резонатор взорвался, уничтожив меня и все окрест?... – Впервые упоминание инцидента не вызывало желания морщиться и плевать, а что-то иное, почти убитое. – Благодарю за наблюдение, мадемуазель Лорн. Это... очень вдохновляюще.

– Надеюсь, когда-нибудь вы воплотите замысел в жизнь. – Тень улыбки Лорн осветила душу надеждой.

– Хм... Как интересно... и непонятно. Так я продолжу? Вы не против? – Рейм оглядел нас преувеличенно невозмутимо. – Так вот, друг мой, после вчерашнего я уверен – лучшего друга сложно желать: силен, умен и, в отличие от большинства, не предвзят относительно людей и событий. По-

клон твоей родине – Свободному городу и, конечно, родителям – живому примеру добродетели наших дней. Потому, как говорил ранее, надеемся на долгое и плодотворное сотрудничество. Так что всегда рады помочь, только скажи!

– Отрадно.

Слова. Лишь слова. Но льстило, что обо мне навели справки.

– Ибо с сегодняшнего дня я официально ваш ментор в Империи. Основная же причина столь раннего визита – выданное задание. В данном случае ваш отчет сыграл с нами злую шутку: похоже, нас восприняли ни много ни мало за Несуществующих, если вовсе не за богов, раз поручили такое... но начну с другого. Рейм, мадемуазель Лорн, прошу простить за бестактность, но просил бы укрыть хронометры. Нам предстоит отправиться... скажем так, в провинцию. А там...

– Не нужно объяснений, мы понимаем, что нравы людей просты, а реакция на неизвестное непредсказуема! – помогла закончить Лорн. Белые перчатки укрыли нежные ручки девушки до локтей. Рейм просто спрятал символ власти под манжетами сорочки.

Мягко, но уверенно я взял за плечи молодую леди и джентльмена. На сей раз временщики не забыли заблокировать кристалл блокировки пространства. Открытие прохода сопровождалось уколом боли. Шаг в мрачный проулок, и, пройдя сквозь видимое только мне бесцветное марево, мы

вышли уже в другом городе.

– Ну-у-у... Пошла! Пошла, старая! – Кнут старика возницы свистнул в считанных сантиметрах от моего лица.

Лорн отшатнулась от громкого скрипа и конского ржания, но не удержала равновесия. Рейм элегантно жестом подхватил девушку за талию у самой земли и помог подняться в обмен на мимолетный поцелуй в щеку.

– Добро пожаловать в городок Тюрк!

Пять Ветвей Памяти есть пять Ветвей Памяти: перенести две сотни килограммов живого веса больше чем на полторы тысячи километров – весьма недурно, пусть и на грани предела. Открывшийся вид точно соответствовал фотокарточке, служившей маяком при перемещении.

Если в Агемо только накануне сошел снег, то здесь солнце палило безжалостно, пусть из-за сдвига на три часовых пояса лишь недавно вынырнуло из-за хребта Предела. Да... Хребет Предела впечатлял! Каменный частокол на половину зримого пространства, балансирующий между серой безжизненностью скальных громад, отливающих хризолитом бессмертных долин и ослепительно блистающих снегом вершин. Даже завидую рухам, чьи деревни расположены в столь живописных местах.

Прямо перед нами – городская площадь. Торговля в самом разгаре, поэтому беспрестанно движущиеся тела клокотали выкриками и гулом в кольце справных каменных домов с милыми черепичными крышами. На противополож-

ной стороне возвышался храм пространства. Монументальный. Массивный бастион. Практически кусок хребта Предела, только правильной формы и с донжоном в центре.

– Хотя город – сильно сказано... – Мне удалось буквально чудом уклониться от ведра с помоями, выплеснутого из дома по соседству.

– Это весьма мило и крайне интригующе, господин Юрий, но, может, раскроете причину прибытия сюда?

Девушка успела оправить жакет и легкий тайер, поэтому вновь стала бесстрастно-доброжелательной. Лишь поводила головой, прислушиваясь и принимаясь к «естественной» атмосфере городка. Удушливо-сладковатые миазмы отходов как технического, так и естественного происхождения заставляли глаза слезиться.

– Из местного храма пространства пришла информация о появлении в окрестностях Туманника. – Мы заскользили по кромке толпы. – В течение последних двух недель исчезло около десяти человек. Вчера вечером произошло последнее нападение, и появились «свидетели», описавшие монстра. Начальство направило нас в усиление местным, ибо здесь только один действующий пространственник с тремя Ветвями Памяти. Наша задача: разобраться с Туманником, а также найти и закрыть аномалию Дежавю, из которой он вырвался.

– Охота! Давненько не участвовал! Друг мой, ты бы знал, как я люблю это дело! Затравим зверя! Туманник – достойная дичь, будет чем похвастаться! Кстати, не желаешь? Го-

рячие!

Рейм буквально всучил мне исходящий соком пирожок. Сам он жевал точно такой же. Когда только успел купить? Он же секунду назад находился за спиной! Хотя не важно... Пирожок с мясом? В Агемо не рискнул бы, зная, что может оказаться внутри, но в этом захолустье почему и нет?

– Охота, конечно, хорошо, но у вас имеется оружие на этот случай?

– Пара револьверов и меч Вальфейн, – бодро отрапортовал Рейм.

Я взглянул на его идеально подогнанный наряд. Подумал... и решил поверить.

– А вы, мадемуазель Лорн?

– Я не использую оружие, господин Юрий. Хотела сказать еще во время инцидента в аэропорте, но вы так спешили. Мне работать с ним слегка несподручно, да и не люблю я драки, кровь, а уж тем более смерть... извините, подобное не мое.

– Как же вы...

– Моя госпожа – способный временщик. Она сможет защитить себя... по крайней мере, если драка произойдет не в городе. Кроме того, здесь я и Мефи, к чему больше? Да и ты, друг мой, разве не вступишься? Надеюсь, к тому времени твои силы восстановятся!

– После настолько затяжного прыжка нужно не меньше пары часов, прежде чем сумею использовать силы, – помор-

щившись, признался я.

– Господин Юрий, бегать по лесам в грязи и духоте за почти неуязвимым, смертельно опасным монстром... сложно представить что-то занимательнее. Однако не понимаю, зачем присылать людей из Агемо, кроме того временщиков? Разве не нашлось никого попроще и поближе?

Краем глаза я заметил, как из кармана Рейма вынырнула детская ручонка. Секунда – и босоногий пацаненок шарит в одеждах Лорн. Только я открыл рот, как белая тень вцепилась в запястье воришки. Заглушая гул толпы, раздался вопль. Выпавший кошель вместе с Мефи исчез в рукаве хозяйки, а колыхнувшаяся толпа отнесла нас от места происшествия.

– Не все так просто. Приказано не уничтожить монстра, но пленить – особый акцент! Кроме того, в задании сказано об имевшемся прецеденте, и за разъяснениями отправляют к вам, товарищи временщики. – Я многозначительно умолк.

– Вот ведь посол! Совершенно не умеет молчать! Похоже, Император захотел показать свою мощь и повеселить подданных на празднике окончания Войны Вне Времени.

– Можно несколько конкретнее?

– Друг мой, во время полета я рассказал послу занимательную байку, гуляющую среди временщиков...

С должной экспрессией и красочностью мне поведали историю:

Зимой, аккурат в ночь Перерождения Года, в нескольких

километрах от Сакранска – центр Федерального Округа Пламенных гор – открылась аномалия Дежавю, откуда выбрался Туманник. Не трудно догадаться, что он направился к эпицентру местной жизни – сложно не заметить город, грохочущий на тысячу голосов, пахнущий жизнью, переливающийся сотнями огней от фейерверков и электрической люминесценции, особенно бестии из Дежавю, у них же первый инстинкт – убивать живое.

Смерть собрала богатую жатву. Крики радости превратились в вопли ужаса и предсмертные хрипы. Огни фейерверков взрывали и пожирала дома – несколько улиц с жителями обратились в прах. Запахов осталось только два – металлически-кровавый и горьковато-угольный, но настолько насыщенные, что серой коркой кристаллизовались на губах. Даже электричество обратилось против людей – оборванные провода в сочетании с реками крови устроили танец смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.